

Наследие пепла

Трупы прошлого

Л. КРОВЕТТИ

Леон Кроветти

Наследие пепла: Трупы прошлого

<https://litres.ru/74450983>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Воспоминания — это трупы прошлого. Но некоторые трупы умеют ходить».

Они искали приключений в заброшенном здании. Нашли бойню, наркотический угар и предательство, которое разделило жизнь Джейса на «до» и «после». Он выжил в аду, но мальчик, который верил в дружбу, остался в огне. Теперь у него есть только одно правило: не доверять никому. Даже тем, кто называет себя семьёй.

Содержание

Часть I. «Мы строили замки из песка во время прилива.»	4
Часть II. «Секреты имеют свойство прожигать карманы.»	82
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Леон Кроветти

Наследие пепла: Трупы прошлого

Часть I. «Мы строили замки из песка во время прилива.»

2 года назад...

Воспоминания — это трупы прошлого. Мы бальзамируем их, чтобы они не воняли, но гниль все равно проступает. Тогда было жаркое лето. Воздух дрожал над асфальтом, как мираж, а я был... меньше. Физически и морально. Слабость нужно выжигать. Те события позже заставили меня пойти в зал, заняться самообороной, скалолазанием, чем угодно, лишь бы чувствовать силу. Но тогда я просто тащил рюкзак по раскаленной улице, чувствуя себя песчинкой перед лицом урагана.

Я пришел домой. Тишина. Обычно в это время отец уже на работе, а мама... мама всегда пыталась держать фасад. Маска счастливой семьи треснула давно, она просто забыла снять грим.

— Джейс? Ты уже? — голос мамы донесся из кухни. Она

стояла у плиты, помешивая что-то в кастрюле. На ней был тот самый синий халат, который она носила годами. Похож на саван.

— Уроки отменили, — буркнул я, бросая рюкзак на стул.
— Жара.

— Поел хоть? — она обернулась. В глазах усталость, но улыбка дежурная, теплая. Слишком теплая для этого ада.

— В школе перекусил.

— Виктор поздно придет. Опять собрание, — она вздохнула, вытирая руки о полотенце. — Ты как? Не устал?

— Нормально, мам.

Я чувствовал, как она хочет спросить что-то еще. Может, про оценки, может, про то, почему я такой замкнутый. Но она не стала. Просто положила мне на тарелку бутерброд. Еда как взятка за молчание. В то время мы еще пытались быть семьей. До того, как трещины стали пропастями, через которые видно дно.

Я поднялся к себе, но телефон пикинул. Сообщение.

Деймон: Эй, ты куда пропал? Пацаны собираются у озера. Поедешь?

Я улыбнулся. Улыбка не достигла глаз. Тогда Деймон был не врагом. Не тем самовлюбленным мудаком, который предал меня у всех на глазах. Тогда мы были братьями. Лучшими друзьями. Слово «брат» тогда значило что-то. Теперь это просто звук.

Я: Не знаю. Жара убивает.

Деймон: Да ладно тебе. Вода холодная. К тому же, Эбби сказала, что ты обещал показать ей тот трюк на скейте.

Я: Она врёт. Я ничего не обещал.

Деймон: Ладно, ладно. Просто будь. Без тебя скучно, брат.

Я убрал телефон и пошел в конец коридора. Дверь в комнату Эбби была приоткрыта. Оттуда пахло не духами, как обычно, а чем-то едким, сладковатым и тяжелым. Дым. Химический побег от реальности.

Я толкнул дверь.

Эбби сидела на полу, прислонившись к кровати. В руке тлела сигарета, но не табачная. Рядом валялась зажигалка и какой-то странный пакетик. Она выглядела... пустой. Глаза стеклянные, как у рыбы, выловленной из глубины. Улыбка растянута неестественно.

— Джейси, — протянула она, увидев меня. Голос вязкий, замедленный. Будто она говорит под водой. — Заходи. Закрой дверь.

— Ты опять? — я почувствовал, как внутри закипает злость. Смешанная с беспомощностью. Эмоции — это шум. Я предпочел бы тишину.

— А что? — она рассмеялась, звук вышел хриплым. — Расслабляюсь. Жизнь — дерьмо, забыл?

— Тебе семнадцать, Эббигейл, — я шагнул внутрь, выбив сигарету из её руки ногой. Огонь погас. — Мама убьет тебя.

— Мама убьет себя своими нервами, — она махнула рукой, едва не опрокинув банку с газировкой. — Не читай мне

морали. Ты же не папа. Ты не исчезаешь на недели.

Я присел перед ней на корточки. В её глазах плескалась такая тоска, что мне стало физически больно. Боль — это сигнал. Сигнал о том, что система ломается.

— Зачем ты это делаешь?

— Чтобы не чувствовать, — прошептала она. И вдруг её лицо исказилось. — Ты думаешь, я не вижу? Ты думаешь, я не знаю, что ты тоже хочешь сбежать? От школы, от дома, от этого всего...

— Я не сбегаю.

— Врешь. — Она потянулась ко мне, пытаясь поправить воротник моей футболки. Её пальцы были холодными. — Ты просто прячешься за своей злостью. А я... я просто хочу тишины.

Я забрал у неё пакетик и высыпал содержимое в унитаз. Она не сопротивлялась. Просто смотрела, как вода смывает всё вниз. Вращение воды завораживает. Как взгляд змеи.

— Иди спать, Эбб, — тихо сказал я. — Я прикрою тебя перед мамой.

— Спасибо, братик, — она усмехнулась, но в голосе не было радости. Только бесконечная усталость. Смертельная усталость.

Я вышел из комнаты и закрыл дверь. Прислонился лбом к холодной стене коридора. Холод успокаивает.

Тогда я думал, что самое сложное — это скрыть её зависимость от родителей. Что самое страшное — это ссоры отца

и матери за закрытыми дверями.

Я не знал, что через неделю банк сгорит.

Я не знал, что Деймон оставит меня умирать в огне. Предательство горит ярче любого пожара.

Воспоминания — это трупы прошлого. Мы бальзамируем их, чтобы они не воняли, но гниль все равно проступает.

Время: 16:00, за 33 часа до пожара...

Тот день у озера. 13 июня. Жара стояла такая, что воздух плавился, превращаясь в вязкий сироп. Асфальт дрожал, как мираж. Мы собрались там, где вода должна была охлаждать кровь. Глупость. Вода лишь скрывает то, что тонет.

Я наблюдал за ними издалека, еще не подойдя. Как хищник, изучающий стадо, которое не знает, что уже помечено. Они сидели на песке, разбросанные, как фигуры на доске, где правила игры никто не объяснил.

Ксения. Она даже тогда не жила, а транслировала жизнь. Телефон в руке — продолжение ладони, протез для самооценки. Она позировала у кромки воды, выгибая спину так, будто позвоночник был сделан из гибкой стали. Вспышка. Улыбка. Вспышка. Пустота. Она кормила свой блог образами, которые через неделю станут прахом. Сторис «до» и «после». Только «после» не случилось. Она смеялась в объектив, но глаза бегали по сторонам, ища одобрения у невидимых зрителей. Актер в театре одного зрителя.

Ребекка сидела чуть в стороне, поджав ноги к груди. Вет-

ренная. Легкая. Как пушинка перед ураганом. Она смеялась над шуткой Ашера, запрокидывая голову, но в этом смехе было слишком много стекла. Осколки. Она уже тогда казалась мне человеком, который стоит на краю крыши и дует на парпет, проверяя его на прочность. Ашер обнимал её за плечи, крепко. Слишком крепко. Его рука лежала на её ключице как наручник. Он смотрел на неё не как на девушку, а как на собственность. На вещь, которую нужно защищать от кражи. Но иногда вещи бьют об стену. Я видел это позже. Тогда же это выглядело как забота. Ложь во спасение.

Деймон. Солнце нашей системы. Загорелый, улыбчивый, идеальный. Он сидел в центре, словно трон был сделан из песка. Он рассказывал историю, размахивая руками. Все слушали. Даже те, кому было все равно. Он умел заполнять тишину своим присутствием. Магнит. Но магниты притягивают не только железо, но и опилки. Я смотрел на его улыбку и видел оскал. Он был хорош. Слишком хорош. В природе нет ничего идеального без изъяна. Если изъяна не видно, значит, он внутри. Гниль в сердцевине яблока.

Скотт и Сара. Сидели близко, плечо к плечу. Пытались быть нормальными. В мире, где норма уже начала трещать. Они держались за руки, словно боялись, что земля уйдет из-под ног. И они были правы. Сара смотрела на Скотта как на якорь. Но якорь может утянуть на дно. Скотт казался спокойным, но его пальцы нервно барабанили по колену. Ритм тревоги.

И Эбби. Моя сестра.

Она сидела чуть в стороне от компании, закуривая. Не скрываясь. Дым поднимался вверх, серый столб в голубое небо. Сигнал бедствия. Она была оживленнее остальных, громче смеялась, будто пыталась заглушить какой-то внутренний шум. Химический побег от реальности, о котором я писал раньше. Здесь, у озера, это выглядело как бунт. На самом деле — как крик. Она ловила мой взгляд издалека и подмигивала. «Все нормально», — читалось в этом жесте. Ложь. Мы оба знали, что ничего не нормально. Она была живой мертвечиной, которая еще не поняла, что умерла.

— Где Джейс? — голос Деймона прорезал воздух. Он смотрел на дорогу. — Опаздывает.

— Может, передумал, — бросила Ксения, не отрываясь от экрана. — Жара же.

— Он придет, — уверенно сказала Эбби. Затушила сигарету о камень. Огонь погас, но пепел остался. — Он всегда приходит.

Она верила в это. Тогда она еще верила, что я смогу их спасти. Что я тот, кто держит небо на плечах.

Я стоял в тени деревьев, наблюдая. Они были так близко к краю. Смеялись, пили теплую газировку, строили планы на лето. Планы. Смешно. Планировать будущее — это как строить замок из песка во время прилива.

Деймон снова рассмеялся. Звук был чистым, звонким. Как удар ножа о кость.

Ребекка поправила волосы. Ашер сжал её плечо сильнее. Ксения сделала еще фото. Сара положила голову на плечо Скотту. Эбби достала еще одну сигарету.

Они не знали.

Они не знали, что через неделю воздух станет горячее. Что огонь будет не только снаружи, но и внутри. Что этот пляж станет последним местом, где они были просто детьми.

Я сделал шаг вперед. Тень упала на песок. Они обернулись. Улыбки застыли на лицах. Маски приклеились.

— Привет, — сказал я.

— Наконец-то! — Деймон поднял руку в приветствии. Брат.

Я подошел и сел рядом с Эбби. Песок был горячим, обжигал кожу. Боль — это информация. Информация о том, что мы все еще живы. Пока что.

Я смотрел на воду. Она была спокойной. Предательски спокойной.

— Что пропустил? — спросил я.

— Ничего важного, — ответила Эбби, выдыхая дым в сторону. — Просто ждем, когда начнется шоу. — Она не обернулась, только протянула мне пачку сигарет. Я мотнул головой. Она пожала плечами и затянулась снова, выпуская дым в раскаленный воздух.

Деймон заметил это. Конечно, заметил. Он всегда замечал то, что другие предпочитали не видеть. Он что-то бросил остальным — кажется, про лед — и поднялся. Не спеша,

страхивая песок с шорт, он направился ко мне. Не через всю компанию, а в обход, словно мы были магнитами, которые наконец-то совместили полюса.

Он сел рядом, не спрашивая разрешения. Наши плечи соприкоснулись. Ткань его футболки была влажной от пота, моя — сухой и жесткой.

— Ну? — подмигнул Деймон, садясь удобнее. — Семья?

Я сглотнул ком, который вдруг образовался в горле. Взгляд невольно метнулся к Эбби, которая сидела чуть в стороне, словно хрупкая фарфоровая кукла.

— Я... я не уверен, но скорее всего да... — неуверенно ответил я, чувствуя, как внутри закипает старая злость.

Деймон украдкой посмотрел на Эбби, оценивающе, затем снова перевел взгляд на меня.

— Ты ей рассказал?

Я саркастично фыркнул, скривив губы.

— Издеваешься? Она от одних ссор топит все в наркоте и сигаретах. Если я еще и расскажу ей, что отец изменяет матери... — Я покачал головой, чувствуя горечь на языке. — Ты прикинь только, что с ней будет. Ее тонкое сердечко не выдержит.

Деймон помолчал, барабанив пальцами по колену. Потом он повернулся ко мне всем корпусом. В его глазах мелькнуло нечто серьезное, без привычной насмешки.

— Только не говори, что еще и вину чувствуешь за это.

Я отвернулся, глядя на воду. По моему взгляду все уже

было понятно. Я чувствовал. Вину за то, что знаю. Вину за то, что молчу. Вину за то, что живу в этом доме.

Деймон немного рассердился. Он не любил, когда я занимался самоедством.

— Эй! Слышишь меня? — он ткнул меня локтем в бок, заставляя встретиться взглядом. — Ты. Все. Сделал. Правильно. Ты должен был рассказать матери об этом. Эбби... Эбби пока не готова. Ты защитил ее. Это не вина, Джейс. Это ответственность.

Я тихо выдохнул, чувствуя, как напряжение в плечах чуть ослабевает.

— Иногда мне, конечно, и самому не верится, но мне кажется, что я вина того, что происходит... — пробормотал я, признаваясь в том, что не сказал бы никому другому. — Порой я завидую тебе. Живешь себе в удовольствие, а предки где-то в разъездах. Никаких скандалов, никакой лжи.

Деймон усмехнулся, но в его глазах не было веселья. Только усталая пустота.

— Да, только знаешь, каково это — расти в одиночестве? — его голос стал тише, словно он боялся, что ветер унесет слова. — Постоянная тишина. Самостоятельность. Нет тебе любви и заботы. Только деньги на карте и пустой дом.

Я посмотрел на него. Видел идеальную улыбку, которую он показывал миру, и трещину, которая пряталась за ней.

— Знаешь, я пока не вижу ничего плохого, — ответил я честно. — Тишина лучше криков.

Деймон замер, а затем рассмеялся. Искренне. Ему нравились такие высказывания от меня. В его глазах я выглядел человеком, который обидеть никого не может — добрый и милый, с красивой внешностью, пусть и скрытой за броней цинизма. Но мой дерзкий язык и нежелание гнаться за общественным мнением были для него чем-то идеальным. От душиной.

— Ты неисправим, Гарсия, — покачал он головой, все еще улыбаясь.

— Эй, вы там! — крикнул Ашер из воды, разрушая наш пузырь интимности. — Хватит ворковать! Идите сюда!

Деймон поднялся. Протянул мне руку. Не чтобы помочь встать, а чтобы обозначить: мы вместе. Я хлопнул по его ладони и поднялся сам.

— Слушай меня, — сказал Деймон, глядя мне прямо в глаза. В его голосе появилась та самая уверенность, которая заставляла всех идти за ним. — Сегодня только мы. Никаких оценок. Никаких родителей. Никаких проблем. Только вода. Забудь обо всем хотя бы на вечер. Завтра будет новый день, а сегодня... сегодня мы живы.

— Вода не решает проблем, Дейм, — автоматически ответил я, но уже без прежней язвительности.

— Зато смывает грязь, — подмигнул он. — Пошли.

Мы пошли к воде. Следы на песке остались рядом. Через неделю ветер их сотрет. Огонь сожжет все остальное. Но в тот момент, когда его плечо касалось моего, я верил, что это

навсегда. Что мы справимся. Что тишина лучше криков, а дружба крепче крови.

Глупо.

Наивность — это тоже вид слепоты.

Но тогда, под этим палящим солнцем, я позволил себе быть слепым. Хотя бы на один вечер.

Включили музыку. Портативная колонка хрипела на берегу, бас отдавался в грудной клетке, заглушая шум волн. Кто-то принес волейбольный мяч. Началась игра.

Кейт орала больше всех. Она бегала по песку, взмахивая руками, словно дирижёр оркестра, и каждый удар мяча сопровождался её визгом. Мейсон лежал на полотенце в стороне, лениво приподнимая голову только чтобы сделать глоток тёплого пива. Он не участвовал, но улыбался — редко, искренне. Лидия пыталась втянуть его в игру, смеясь и брызгая водой, но он лишь качал головой, показывая большой палец.

Ашер и Ребекка играли в одной команде. Они стояли близко, слишком близко. Ашер направлял её движения, его рука лежала на её талии крепче, чем требовала игра. Ребекка смеялась, запрокидывая голову, но в её глазах мелькало что-то напряжённое. Она ловила его взгляд, и в этом немом диалоге было больше контроля, чем любви. Я отвернулся. Не моё дело. Не тогда.

Скотт и Сара построили замок из песка у кромки воды. Сара аккуратно выравнивала башни ладонями, а Скотт охранял периметр от набегающих волн. Они выглядели... целост-

ными. Как два кусочка пазла, которые наконец нашли своё место. Я поймал себя на мысли, что завидую. Не им, а тому, что они не знают. Не знают, что песок осыплется.

Эбби сидела в кругу с Элиссон и Амайей. Они делили наушники от телефона, смеясь над каким-то видео. Эбби курила. Она не прятала сигарету, не оглядывалась. В тот вечер ей было всё равно. Она поймала мой взгляд и подмигнула. В её улыбке не было той пустоты, что появилась позже. Тогда она была просто живой.

Солнце начало садиться. Небо окрасилось в цвета синяков — фиолетовый, багровый, грязно-оранжевый. Жара спала, воздух стал вязким и прохладным.

Деймон развёл костёр.

Ирония судьбы: мы сами собрали дрова, сами разожгли огонь, который грел нам руки. Пламя плясало, отбрасывая длинные тени на лица. Мы жарили зефир, пили тёплую колу из банок, передавали гитару. Голоса срывались на фальшивых нотках, но никто не смеялся над этим.

Мы все сидели плечом к плечу, глядя на огонь. Вокруг смеялись друзья. Кто-то уже включил фонарики на телефонах, создавая иллюзию звёздного неба на земле. Кто-то начал уборку, кто-то ещё плескался в темнеющей воде.

Музыка стихла. Огонь потрескивал, пожирая дерево. Запах дыма смешивался с запахом озера и дешёвого алкоголя. Это был идеальный вечер. Слишком идеальный, чтобы быть правдой.

Я помню момент, когда Деймон закрыл глаза и подставил лицо теплу. Я помню, как Эбби наконец засмеялась беззаботно, без надрыва, помню, как Ксю нашла себе свое дело, пусть я и не разделял с ней такого интереса к блогу. Я помню, как подумал, что так будет всегда.

Джон ещё секунду назад сидел рядом, пока я перебрасывался фразами с Ксенией. Она крутилась поблизости, не выпуская телефон из рук. Вдруг она повернула камеру в мою сторону, пытаясь втиснуть меня в свой кадр. Я среагировал инстинктивно — ладонь резко закрыла лицо. Я скривился от отвращения, словно мне предложили выпить помой.

— Убери, — бросил я сухо, не убирая руки. — Не хочу быть частью твоего цифрового цирка.

Ксения обиженно фыркнула, но телефон опустила. Джон, однако, после многозначительного взгляда Эбби, который я заметил краем глаза, неохотно поднялся. Эбби что-то шепнула Ксении, и та, хихикнув, увлекла подругу в сторону костра. Деймон, поймав мой настороженный взгляд, лишь усмехнулся и махнул Джону рукой, увлекая его к Ашеру под предлогом «срочного дела». Они разошлись, оставив нас двоих на берегу, словно специально очертив вокруг невидимую границу. Меня устраивало напряжённое молчание. Оно было лучше пустых разговоров. Но заговорить всё же надо было. Амайя сидела чуть поджав ноги, её профиль четко выделялся на фоне темнеющей воды. Она повернула голову первой.

— Как дела? — спросила Амайя, опережая меня. Её голос был тихим, чтобы не потревожить треск поленьев, но в нём звенела та самая нотка, от которой по спине бегут мурашки.

Я поворошил палкой угли. Искры взметнулись вверх, растворяясь в ночном небе. Мой взгляд скользнул по её фигуре: белый топ, чёрные шорты, загар, который она, казалось, впитывала вместе с теплом уходящего дня. На мне была растёгнутая розовая льняная рубашка, ветер иногда задувал внутрь, охлаждая кожу, но рядом с ней было жарко.

— Смотрю на кучу пьяных подростков, не думал, что мне будет настолько нечего делать, — ответил я, чуть усмехнувшись. Уголки моих губ дрогнули, но глаза оставались серьёзными. — А у тебя как?

Она рассмеялась чуток. Звук вышел мягким, без той фальши, что я привык слышать в школе. Здесь, у воды, маски спадали. Даже у меня. Амайя повернулась ко мне полностью, её колени почти коснулись моего бедра.

— Ну, иногда можно и не только смотреть, но и побыть этим пьяным подростком, — она улыбнулась, и в уголках её глаз собрались лучики света от костра. В её взгляде читался вызов, но мягкий, приглашающий.

Я почувствовал, как внутри закипает что-то тёплое. Я медленно подтянулся к ней ближе. Песок зашуршал под локтем. Расстояние между нами сократилось до минимума. Я видел каждую ресницу, видел, как расширяются её зрачки.

— Развлекаться я и так умею, — произнёс я тише, наклон-

няясь так, что мои слова предназначались только ей. Моя рука лежала на песке рядом с её рукой, пальцы почти касались её мизинца.

Амайя не отдернула руку. Она посмотрела на мою руку, затем снова мне в глаза. В этом взгляде не было осуждения, а только внимательное изучение. Она чуть наклонила голову, и прядь волос упала ей на лицо. Она не убрала её.

— Не сомневаюсь в этом, — Амайя ответила тихо, но в её голосе звенела та самая нотка, от которой по спине бегут мурашки. Она не отвела взгляд. Её зрачки расширились, отражая пляшущие языки пламени.

Вокруг нас мир продолжал жить своей шумной, пьяной жизнью. Где-то справа кто-то громко рассмеялся, плеснула вода, кто-то спорил из-за музыки. Но здесь, на этом куске песка, будто возник вакуум. Воздух стал гуще, насыщеннее. Я чувствовал запах её духов — что-то лёгкое, цитрусовое, перебивающее запах дыма.

— Знаешь, в чём проблема? — она повернулась ко мне полностью, поджав ноги под себя. Ткань её топа слегка натянулась, и я отвёл взгляд, чувствуя, как нагревается лицо. Не от огня. — Ты слишком много думаешь. Прямо сейчас. В эту секунду.

— Привычка, — пожал я плечами, стараясь звучать небрежно, хотя пальцы сами собой сжали колени.

Она молчала некоторое время, просто наблюдая. Я чувствовал её взгляд на своем профиле, тяжелый и вниматель-

ный. Я не оборачивался. Мои глаза бегали по периметру: темные силуэты деревьев, колебания тени у воды, фигуры друзей у костра. Секунда здесь, секунда там. Контроль. Всегда контроль.

— И, о чем ты думаешь? — её голос прозвучал тихо, почти сливаясь с шумом пламени.

Я наконец повернул голову. Она смотрела прямо на меня, не отводя глаз.

— Ты постоянно смотришь по сторонам, — продолжила она, склонив голову набок. — Но не прямо. А буквально на секунду. Сканируешь. Сохраняешь контроль вокруг.

Она протянула руку и положила ладонь мне на плечо. Через тонкую ткань рубашки я почувствовал тепло её кожи. Потом она оперлась подбородком о сложенные руки на коленях и подалась вперед, всматриваясь в мое лицо, будто пытаясь прочесть текст, написанный невидимыми чернилами.

В её глазах не было осуждения. Только понимание. И это пугало больше, чем любой допрос.

— Это урок от дочери полицейского? — спросил я, уголки губ дрогнули в подобии улыбки. Я пытался сбросить напряжение, перевести всё в шутку.

Амая прищурилась, и в её взгляде мелькнула хитринка.

— Вроде того, — она слегка пожала плечом, не убирая руки. — ...Но есть что-то ещё, — закончила она фразу, и её голос стал тише, почти интимным, заглушая шум прибора.

Её пальцы слегка сжались на моём плече. Через тонкую

ткань рубашки я чувствовал тепло её ладони. Это было странно. Обычно прикосновения вызывали у меня желание отстраниться, выставить защитный барьер. Но сейчас, под этим тёплым ветром, под взглядом её глаз, в которых не было осуждения, а только внимательное изучение, я не отодвинулся.

— И что же ещё? — спросил я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Амайя чуть наклонила голову. Огонь костра отражался в её зрачках, делая их похожими на расплавленный янтарь. Она выглядела реальной. Слишком реальной для этого места, которое через неделю превратится в пепелище.

— Ты думаешь, что если будешь достаточно внимательно смотреть, то сможешь предотвратить беду, — сказала она просто. Без обвинений. Без жалости. Просто констатация факта, который я сам от себя скрывал. — Ты носишь на плечах весь этот мир, Джейс. Но ты забываешь, что под ногами тоже должна быть твердая почва.

Я усмехнулся, но улыбка вышла кривой.

— Почва зыбкая, Амайя. Ты же знаешь.

— Поэтому и нужно держаться за тех, кто рядом, — она наконец убрала руку с плеча, но тут же накрыла своей ладонью мою руку, лежащую на песке. Её пальцы были прохладными, но хватка уверенной. — Хотя бы иногда. Выключай режим охранника. Хотя бы на tonight.

Я посмотрел на наши руки. На фоне тёмного песка это вы-

глядело как клятва. Глупая, подростковая клятва, которую мы не сможем сдержать. Но в тот момент я хотел верить. Хотел верить, что её интуиция дочери шерифа ошибается, что моя паранойя беспочвенна, что мы просто двое подростков у костра, у которых впереди вся жизнь.

— Ладно, — выдохнул я, переворачивая ладонь и переплетая свои пальцы с её пальцами. — Попробую. Но не обещаю, что получится.

— Достаточно и попытки, — она улыбнулась. Настоящей улыбкой, без той маски светской львицы, которую надевала в школе.

Мы сидели так несколько минут. Не говоря ни слова. Просто слушали, как трещат поленья, как где-то вдалеке смеётся Деймон, как шумит вода. Я запомнил этот момент. Запомнил запах её духов — ваниль и что-то морское. Запомнил ощущение её руки в моей. Запомнил иллюзию безопасности.

Я тогда не знал, что это был последний раз, когда я держал её руку вот так — просто так, без страха потери, без крови на пальцах, без необходимости спасти её от монстров. Я думал, что монстры живут в сказках. Я ещё не знал, что самые страшные монстры носят человеческие лица и ходят среди нас.

— Эй, влюблённые! — голос Джона разрушил нашу идиллию, как нож разрезает бумагу. — Не хочу прерывать, но Деймон нашёл ещё ящик пива. Если не придёте, всё достанется Эбби.

Амайя быстро, но неохотно убрала руку. В её глазах мелькнуло что-то похожее на сожаление. Она поднялась, отряхивая песок с шорт.

— Идём? — спросила она, протягивая мне руку снова. Уже чтобы помочь встать.

Я кивнул, принимая её помощь.

— Идём.

Я только сделал шаг в сторону компании, как тень накрыла меня сверху. Не успел я моргнуть, как на мою спину обрушился целый снаряд. Эбби. Она впилась в меня, словно коала в эвкалипт, обхватив ногами мой пояс, а руками — шею. Меня чуть не сбило с ног, песок заскрипел под кроссовками.

— Да отцепись ты наконец! Что на тебя нашло?! — крикнул я, пытаясь удержать равновесие и одновременно стряхнуть её цепкие конечности. Амайя, наблюдавшая за этой картиной, тихо посмеялась, покачала головой и пошла дальше к Джону, который уже наливал кому-то пиво.

Она лишь звонко рассмеялась, уткнувшись мне в плечо носом. От неё пахло солнцем, дешевым кокосовым маслом и едва уловимым дымом — она успела выкурить сигарету, пока я говорил с Амайей.

— Не могу поверить, что ты не до конца жизни будешь один! — веселилась она, придерживая свою хватку. — Я видела этот взгляд!

— Твоя неудачная попытка посватать меня не привела ни

к чему толковому, — ответил я, всё ещё пытаюсь спихнуть её со спины. Хотя я и не любил прикосновения — кожа всегда ныла от чужого присутствия, словно напоминала о шрамах, — но ради сестры можно было чуток и потерпеть.

— Ну почему же неудачная? — подметила сестра, — эту искру даже Ксения увидела, не то что я.

Я наконец схватил её за предплечья и стащил вниз. Она приземлилась легко, как кошка, и тут же подмигнула кому-то за моей спиной. Я обернулся. Деймон, стоявший у воды, поймал её взгляд и широко подмигнул в ответ. Эбби тут же показала ему средний палец, но улыбка не сходила с её лица.

— Обсуждаешь меня с Ксенией? — я сузил глаза, глядя на сестру. — Обсуждать меня с лучшей подружкой... ай-ай, до чего ты докатилась? — я ухмыльнулся, начиная обходить её по кругу, словно хищник. — Сначала пол жизни сватала меня с ней, а теперь вы обе сговорились против меня и решили спихнуть меня с кем-то другим...

Эбби фыркнула, надула губы и скрестила руки на груди. Её волосы, выгоревшие на солнце, рассыпались по плечам золотистой пылью.

— Да вы, тугодумы, не моя вина, что кому-то суждено просто дружить, — возмутилась она, топнув ногой по песку. — Мог бы и знакомиться с девушками, раз тебя что-то не устраивает.

— Качество важнее количества, — парировал я, засовы-

вая руки в карманы шорт. — Лучше уж до конца жизни буду один и жить на полную.

— То есть сидеть, смотреть нетфликс и писать свои мрачные книги? — поддела она, прищурившись.

— Не вижу ничего противоречивого, — невинно ответил я, пожимая плечами.

Эбби закатила глаза так демонстративно, что казалось, они сейчас застрянут в затылке. Она развернулась и плюхнулась на песок спиной к озеру. Я посмотрел на неё. Это ветреное и беззаботное состояние уже вошло в привычку. Эбби постоянно курила или пила, лишь бы заглушить свои эмоции, сделать их менее острыми. Я не понимал этого, хотя сам привык спрятать эмоции поглубже, запереть в дальний ящик и выбросить ключ. Разные методы выживания.

Она подтянула колени к груди и обхватила их руками. Улыбка сползла с её лица, оставив после себя лишь усталую тень.

— Не понимаю, как ты не боишься одиночества... — заскулила она, глядя на воду. Голос дрогнул.

Я вздохнул и присел рядом. Песок был горячим, обжигал бедра. Я похлопал ладонью по своему плечу, приглашая её прислониться. Эбби не заставила себя ждать — она легла головой мне на плечо, её волосы защекотали шею.

— Не понимаю, как ты его боишься, — тихо ответил я.

Мы помолчали. Шум вечеринки казался далеким, словно доносился из-под воды. В этом молчании было больше прав-

ды, чем во всех наших спорах.

— Что, если нам придется выбирать между мамой и папой? — спросила она вдруг. Голос был тихим, почти детским. Тот вопрос, что висел над нами последние два года, с тех пор как трещины в доме стали пропастями.

Я посмотрел на горизонт. Там, где небо сливалось с водой, не было ответов.

— Неважно, с кем мы будем, — твердо сказал я. — Главное — вместе. Всегда будем вместе.

Я бы без раздумий выбрал отца. С ним отношения меня более устраивали, чем с мамой, которая тоже всё контролирует, а двух таких людей в одной семье быть не может — это всегда ведет к взрыву. Но вслух я этого не сказал. Не сейчас.

Эббигейл удивилась. Она приподняла голову и посмотрела на мое лицо, ища подвох. Уголки её губ дрогнули, и она заулыбалась — искренне, без той маски, что она носила для школы.

— Неужто добрая мысль за сегодня? — не поверила она, тыкая меня пальцем в бок.

— Смотри не привыкай, — улыбнулся я в ответ.

Эбби раскисла в улыбке, но быстро взяла себя в руки, вернув свой обычный боевой вид. Она села ровно и снова посмотрела на меня, прищурившись.

— Так что думаешь насчет Амайи? — спросила она, не унимаясь.

Я закатил глаза, чувствуя, как напряжение возвращается.

— Ну давай... — простила она. — Не порть такой момент.

— Она идеальна, — саркастично выдавил я, передразнивая её тон.

Эбби засияла от радости, словно получила подтверждение теории заговора.

— Но! — поднял я палец. — Ничего не будет. — Твердо заявил я.

— Ну почему же... — озадачилась она, наклонив голову набок. — Не поняла, ты че, гей?

У меня даже брови наверх полезли. Я повернулся к ней, открыв рот, но звука не последовало.

— Ну а что? В этом постыдного ничего нет, — она повернулась ко мне спиной и улыбнулась хитро, через плечо. — Ты всегда с Деймоном мутишь! Не знаю, как он вообще увлекает тебя на все авантюры, что придумывает, но это... хорошо влияет на тебя. Вот я и подумала...

Она явно дразнила меня, пользуясь тем, что знала о нашей сложной истории лучше anyone.

— НЕТ! — отрезал я, чувствуя, как щеки предательски нагреваются. — Нет, у нас ничего. Просто... просто я не думаю, что хочу этого...

— Амайю? — спросила Эбби, всё ещё подкалывая, её глаза блестели озорством.

— Отношений, дура! — рассмеялся я, толкая её плечом. — Сейчас не до них. В голове слишком много шума.

Эбби задумалась, постукивая пальцем по подбородку.

— Значит, нужно подождать, пока созреешь, по-другому уже никак, — заключила она философски. — А пока... придется мне бесить тебя и занимать большее место в жизни.

Она резко ударила меня локтем в бок, но не сильно — скорее, как знак принадлежности.

Я не выдал ничего на это, только приятно улыбнулся, понимая, что именно так она и проявляет симпатию. В её мире любовь — это когда тебя достают, но никогда не бросают. Я посмотрел на неё, на эту маленькую, шумную, сломленную и невероятно сильную девочку, которая была моей единственной настоящей семьей.

— Попробуй только займи слишком много места, — предупредил я, но в голосе не было угрозы. — Вытесню.

— Попробуй, — она ухмыльнулась и снова легла мне на плечо.

Лукас — тот ещё сплетник, особенно когда дело касается его сестры и её личной жизни. Позже он сам пересказал мне этот разговор у костра. Слово в слово. С интонациями, паузами и тем самым тяжёлым вздохом, которым он всегда сопровождает свои откровения. Или, может, это Амайя позже всё мне выложила, пытаясь найти в моих глазах поддержку? Неважно. Я знаю их обоих достаточно хорошо, чтобы прокрутить эту сцену в голове, словно кино. Кино, где меня нет в кадре, но я чувствую каждый её вздох и каждую ошибку,

которую мы тогда допустили.

Огонь потрескивал, выбрасывая в ночное небо снопы искр, которые гасли, так и не долетев до звёзд. Вокруг костра царил привычный шум вечеринки: смех, плеск воды, звон бутылок. Но в этом маленьком уголке у кромки воды, где песок ещё сохранял дневное тепло, казалось, существует свой собственный мир.

Лукас сидел, откинувшись на локти, и наблюдал за сестрой. Когда Амайя подошла ближе, поправляя выбившуюся прядь волос, он подмигнул ей — быстро, по-дружески, но с той самой искоркой, которая всегда выдавала его замыслы.

— Не пойму, как тебя можно оставить одну на минуту, — начал он, растягивая слова и смеясь. Его голос был низким, спокойным, перекрывающим шум волн. — Если ты всегда в центре внимания.

Амайя фыркнула, но уголки её губ дрогнули в улыбке. Она прошла мимо него, purposely задевая его колено своим бедром.

— Ой, заткнись ты, — ответила она, всё ещё улыбаясь, и потянулась за новой банкой пива, стоящей в песке рядом с костром. Конденсат приятно охлаждал ладонь.

Лукас показушно разинул рот, изображая крайнюю степень возмущения, и повернулся к ней всем корпусом. В огне костра его глаза блестели весёлым озорством.

— Вы меня оскорбили, мисс! — воскликнул он, прикладывая руку к сердцу. — Не думал, что братская забота так

раздражает.

Амайя чутко посмеялась, открывая банку с тихим щелчком. Она сделала глоток, чувствуя, как холодная жидкость освежает после жары у огня.

— Это не братская забота, а издевательство, — сказала она, вытирая капли с подбородка тыльной стороной ладони.

— Но тоже братское, Мая! — окликнул он, поднимаясь на ноги. Он подошёл к сестре, нависая над ней своей высокой фигурой, но взгляд его был мягким. — Нет, я серьезно.

Амайя посмотрела на него непонимающе, чуть прищурившись. Огонь отбрасывал тени на её лицо, скрывая лёгкий румянец.

— Серьезно что?.. — спросила она, чувствуя, как внутри зарождается лёгкое беспокойство. Лукас редко бывал серьёзен просто так.

И вот тут, по словам самого Лукаса, он выдал то, от чего у меня, узнавшего об этом постфактум, до сих пор сводит скулы. Я не присутствовал в тот момент, но, клянусь, если бы я это услышал, я бы просто провалился сквозь песок. Лукас всегда видел то, что мы старательно прятали.

— Как твой двоюродный брат я одобряю, — сказал Лукас и кивнул в сторону компании, где я, по его словам, смеялся над какой-то шуткой Эбби.

Амайя забегала глазами, показывая, что она всё еще не понимает. Она перевела взгляд с меня на Лукаса и обратно.

— Тебя и Джейса, глупая! — рассмеялся Лукас, видя её

растерянность.

— Что? Я и Джейс? — Амайя даже поперхнулась воздухом, её глаза округлились. — Ты с ума сошел, я знаю его 5 лет! — возмутилась она, чувствуя, как жар приливает к щекам. Она инстинктивно оглянулась, не слышал ли кто-нибудь.

Пять лет. Целая вечность, которая привела нас к этому костру, а потом — к пепелищу. Я слышал её слова сейчас, в своей голове, и они звучали как приговор.

— И что? — Лукас пожал плечами, его улыбка стала чуть хитрее. — Порой лучшие союзы происходят от дружбы. — Он подмигнул ей снова, на что та закатила глаза, пытаясь скрыть смущение. — Джейс, конечно, интересный персонаж, но уж точно получше твоего нынешнего, — подстегнул он сестру, понизив голос.

Амайя сжала банку в руке чуть сильнее. Aluminium чуть деформировался под пальцами.

— Он же твой капитан в команде... — начала она, но осеклась. — И говори потише, пожалуйста, — закончила она шёпотом, хотя вокруг никто не обращал на них внимания.

— То есть факт того, что мы буквально обсуждаем тебя и Джейса, тебя не волнует, а как тебя и твоего недолюбовника... — Лукас не успел договорить, как Амайя, вспыхнув, ударила его по ноге ладонью. Удар вышел слабым, скорее дружеским пинком.

— Ай! — Лукас соорудил гримасу боли, но глаза смея-

лись.

Амайя отвернулась к огню, наблюдая, как пляшут языки пламени. Её улыбка исчезла, уступая место задумчивости. И вот здесь, как мне позже признавалась она сама, внутри неё что-то надломилось. Трещина в маске идеальных отношений.

— И что такого в Джейсе особенного, чем в Кристиане? — спросила она тихо, не поворачивая головы.

Лукас перестал улыбаться. Он сделал шаг ближе, его тень накрыла её. Он знал, что сейчас говорит о важном.

— Джейс не боится сказать свое мнение и быть собой, — ответил он спокойно, без тени насмешки. — А вот Кристиан... манипулятор. Он примеряет кучу личностей за час. Сегодня он один, завтра другой... Он очень нечитаемый человек.

Читая эти строки сейчас, вспоминая этот пересказ, я чувствую, как к горлу подступает желчная горечь. Лукас был прав. Он был чертовски прав с самого первого дня. Но я... я тоже это видел. Я видел, как Кристиан меняет лица, как он душит её своей "заботой". Но я молчал. Я прятался за своим сарказмом и броней, думая, что это не моё дело. Каким же я был трусливым ублюдком.

Амайя повернулась к нему. В её взгляде читалась защита, но и сомнение.

— И что в этом такого? — возразила она, хотя голос звучал менее уверенно. — Многие скрывают свои настоящие

эмоции ради других.

— Да, — кивнул Лукас, и в его глазах мелькнула тень беспокойства. Он знал, как трудно переубедить влюблённого человека. — Но он это делает ради себя, Амайя. Чтобы выглядеть лучше. Чтобы контролировать ситуацию.

Он положил руку ей на плечо, сжав его легонько, заставляя посмотреть ему в глаза.

— Я не навязываю тебе порвать с ним, — сказал он твёрдо. — Но будь осторожна. Мало ли во что это выйдет. Не хочу, чтобы он манипулировал и тобой.

Амайя резко задумалась. Неприятные мысли сами собой полезли в голову, словно черви из сырой земли. Она вспомнила отца, его уставшее лицо после смены, его вечные предупреждения. «Всегда ожидай самого худшего, даже если речь идет о пропаже кошки», так говорил он. Она привыкла доверять его инстинктам. И сейчас инстинкты Лукаса, который был ей почти братом, били в ту же точку.

Лукас видел, как погрузилась Амайя. Видел, как её плечи опустились, а взгляд стал стеклянным. Он понял, что перегнул палку с серьёзностью. Нужно было разрядить обстановку, пока она не ушла в себя полностью.

— Нет, правда, Джейс он ещё какой, — начал он, и в его голосе снова зазвучали весёлые нотки. Он ухмыльнулся, наклонившись к её уху. — Я бы и сам не прочь с ним...

Он не успел закончить. Амайя, вынырнув из своих мыслей, поняла намёк и начала бить его по спине, смеясь сквозь

остатки тревоги.

— Нет, пожалуйста, ЗАТКНИСЬ! — смеялась она, её ладони глухо шлёпали по его футболке.

Лукас тоже рассмеялся, отступая и закрываясь руками от её «атаки».

— Ладно, ладно! Сдаюсь! — кричал он, улыбаясь во весь рот.

Они стояли у костра, двое против всего мира, и на мгновение кажется, что никакие маньяки, никакие тайны и никакие манипуляции не смогут разрушить эту простую, тёплую связь между ними. Амайя вытерла выступившие от смеха слёзы и вздохнула. Тревога никуда не делась, но теперь у неё был кто-то, кто поможет её нести.

— Идиот, — прошептала она, но в её голосе не было злости. Только благодарность.

— Твой любимый идиот, — парировал Лукас, подмигивая в последний раз, прежде чем вернуться к компании, оставляя сестру наедине с её мыслями и тёплым светом огня.

Огонь в костре разгорелся сильнее, пожирая сухие ветки, которые ребята подбрасывали каждые несколько минут. Языки пламени лизали ночное небо, выбрасывая снопы искр, которые умирали, так и не долетев до звезд. Смех становился громче, голоса сливались в единый гул, заглушающий шум волн, разбивающихся о берег где-то в темноте.

Скотт сидел чуть в стороне, поджав ноги и рисуя узоры

на песке прутом. Его обычно энергичное лицо сейчас казалось поникшим, освещенным лишь мерцающим светом ко-стра. Он редко вступал в общие разговоры, всё чаще поглядывая на телефон, экран которого периодически загорался и гас, но сообщений, которых он ждал, видимо, не было.

Я заметил это первым. Я всегда замечал, когда кто-то выпадал из ритма, когда тишина человека становилась громче слов. Я уже открыл рот, чтобы спросить, в чем дело, но Деймон опередил меня. словно чувствуя настроение друга, он перебрался через песок и плюхнулся рядом со Скоттом, тяжело обнимая того за плечи. Его рука легла уверенно, по-хозяйски.

— Ты чего кислый, как лимон? — спросил Деймон, слегка толкая его плечом. В его голосе не было насмешки, только братская забота, которой он умел пользоваться лучше всех. — Мяч в ворота не попал или девчонки не оценили форму? Скотт вздохнул, бросая прут в огонь. Искры взметнулись вверх, словно маленькие ракеты, на мгновение освещая его глаза.

— Да какая форма... — пробормотал Скотт, глядя на пламя, словно искал в нем ответы. — Просто... тяжело влиться, понимаешь? Парни из баскетбольной команды... они как закрытый клуб. Я вроде и играю нормально, но стоит мне подойти к их компании, как разговоры стихают. Будто я лишний. Будто мне не место в их лиге.

Он поднял взгляд на друзей, и в его глазах читалась ис-

кренная растерянность, боль человека, который стучится в закрытую дверь.

— Мне просто хочется быть частью чего-то большего, чем просто... сидеть на скамейке запасных. Хочу чувствовать, что я нужен.

Повисла небольшая пауза. Даже Ксения оторвалась от телефона, перестав редактировать фото. Ветер донес запах соли и гари.

Деймон усмехнулся, но в его улыбке не было насмешки. Только уверенность человека, который привык решать проблемы чужими руками.

— Забей на них, — твердо сказал Деймон, сжимая плечо Скотта. — Зачем тебе их компания, если они не ценят? Мы устроим свою тусовку. Таковую, чтобы весь город запомнил. Не просто посиделки у воды, а нечто... легендарное.

— Какую ещё тусовку? — оживилась Лидия, подползая ближе к ним на коленях, с банкой газировки в руке. Её глаза блестели в отражении огня. — У нас экзамены на носу. Родители голову оторвут.

— Именно поэтому нужно оторваться по полной, — парировал Деймон, его глаза загорелись азартом, тем самым опасным огнем, который обычно предвещал неприятности. — Есть место... Отдаленная часть старого банка. Там, где ремонт так и не закончили после кризиса.

Я нахмурился. Я знал это место. Все знали. Заброшенное крыло здания, где время словно остановилось, где тени были

гуще, а воздух спертый.

— Там же охрана... — начал было я, чувствуя, как внутри холодеет. — И вообще, это частная собственность. Влезем — будут проблемы.

Деймон перебил меня, даже не посмотрев в сторону. Он смотрел только на Скотта, словно продавал ему мечту.

— Никакой охраны. Я проверил. Там есть вход через лес. Никто туда не заходит годами. Пыль, пустота... Это идеальное место. Никто не увидит, никто не услышит. Только мы. Никаких взрослых, никаких правил. Только своя территория.

Эбби сразу загорелась идеей. В её глазах вспыхнул тот самый огонек бунтарства, который иногда пугал меня, но сейчас казался просто веселым, заразительным.

— Это гениально! — воскликнула она, хлопая в ладоши. — Зброшенный банк! Это же звучит как начало крутого фильма. Там же куча комнат, где можно разбить лагерь. Я за!

Ксения тут же подняла телефон, направляя камеру на Деймона и Скотта. Вспышка озарила лица на секунду.

— О боже, да это же готовый контент! — её голос звенел от восторга. — «Вечеринка в заброшенном банке». Заголовки сами себя пишут. Мои подписчики сойдут с ума. Наконец-то будет материал для блога, а не просто фото еды и заката. Это будет вирусно, ребята!

Скотт неуверенно улыбнулся, глядя на поддержку друзей. Казалось, тяжесть на его плечах немного ослабла.

— Вы правда готовы ради этого рискнуть? — спросил он тихо, всё ещё не веря в свою удачу. — Ради меня?

— Ради тебя — да, — ответил Деймон, подмигивая. — Мы же команда. Если одному плохо, плохо всем. Исправим это. Мы покажем этим баскетболистам, кто тут блять крутые.

Я молчал, наблюдая за ними. Я смотрел на горящие глаза Эбби, на уверенную улыбку Деймона, на облегчение на лице Скотта. Ксения уже строчила план поста в заметках, придумывая хэштеги. Амайя сидела рядом, и её рука незаметно коснулась моей руки, пальцы слегка сжались, словно спрашивая: «Ну что, ты тоже с нами?».

В этот момент всё казалось простым и безобидным. Дружба, поддержка, желание сделать приятное. Но где-то в глубине моего сознания кольнуло холодное предчувствие. Заброшенное здание. Огонь. Изоляция. Я вспомнил слухи о том, что произошло в этом банке годы назад. Странные вещи. Исчезновения.

— Дейм, ты уверен? — спросил я, стараясь, чтобы голос не звучал слишком тревожно. — Там безлюдно. И структуры ненадежные.

— Ты что, трусил, Джейс? — мягко спросил Деймон, и в его голосе прозвучал вызов. — Или просто боишься, что я украду у тебя славу организатора?

— Я боюсь, что нам придется вытаскивать кого-то из-под завалов, — огрызнулся я, но увидел взгляд Эбби. Она смотрела на меня с мольбой. «Не порти всё», — читалось в её

глазах.

Я вздохнул. Я не мог быть тем, кто разрушает радость друзей. Не сейчас.

— Ладно, — наконец произнес я, выдавливая улыбку. — Но, если нас повесят на столбах у входа, я с вас спрошу. И я буду первым, кто напомнит тебе об этом, Деймон.

— Да! — рассмеялся Деймон, протягивая руку.

Я хлопнул по его ладони. Кожа была горячей. Остальные последовали их примеру, складывая руки в общую кучу над огнем. Тепло от ладоней смешивалось с жаром костра.

— За Скотта! — крикнула Эбби. — За лучшую вечеринку! — подхватила Ксения. — За нас, — тихо добавил я, и мой голос потонул в общем хоре.

Они кричали, смеялись, и огонь в костре отражался в их глазах, делая их живыми и настоящими. Тогда никто не подумал о том, что огонь может выйти из-под контроля. Никто не подумал о том, что заброшенный банк хранит в своих стенах не только пыль, но и тени прошлого. Никто не заметил, как искры, улетаая в небо, гасли, словно жизни, которым не суждено было продлиться.

Это было последнее решение, которое мы приняли вместе. Как друзья. Как семья. Прежде чем огонь разделил нас на выживших и погибших. Прежде чем банк стал не местом для вечеринки, а местом преступления. Прежде чем доверие стало оружием.

Я посмотрел на Амайю. Она улыбалась, и в этой улыбке

было столько доверия, что мне стало стыдно за свои сомнения. Ветер растрепал её волосы, и она поправила прядь за ухо, не отводя взгляда.

— Всё будет хорошо, — прошептала она, словно читая мои мысли, словно пытаюсь заклисть будущее. — Мы же вместе.

— Конечно, — ответил я, стараясь поверить в свои слова. Но ветер с озера вдруг усилился, загоня дым костра прямо нам в лица, заставляя кашлять и отворачиваться. И в этом едком запахе гари мне на секунду почудилось что-то знакомое. Что-то, от чего кровь стынет в венах. Запах паленой плоти и разрушенных надежд.

Позже, когда костер превратился в кучку тлеющих углей, а компания начала редеть, я остался сидеть на песке, подтянув колени к груди. Вокруг собирали вещи, смеялись уже тише, словно сама ночь намекала, что пора домой. Я наблюдал, как Деймон пытается затащить Эббигейл в машину. Это было отдельное представление.

Эбби, которая ещё десять минут назад громче всех орала песни, теперь с трудом держала равновесие. Деймон обхватил её за талию, пытаясь удержать вертикально, но она вдруг мягко повалилась в сторону. Он рванул её обратно, и в этом движении она умудрилась сделать какое-то подобие сальто в его руках, едва не ударив его коленом в подбородок. Деймон запутался в её ногах, чертыхнулся, но удержал.

Он поднял взгляд и встретился со мной глазами. В его взгляде читалась мольба и отчаяние: «Помоги, брат». Я лишь медленно покачал головой и улыбнулся — широко, беззлобно. *«Сам заварил кашу, сам и расхлебывай»*. Пусть почувствует ответственность за нашу «команду». Он фыркнул, что-то пробормотал себе под нос, но всё же ухитрился запихнуть сестру на заднее сиденье.

Я отвернулся, и улыбка сползла с лица. В голову опять полезли мысли. Тягучие, липкие, как смола. Авантюра с банком не нравилась мне. Совсем. Это было не просто нарушение правил, это было приглашение для беды.

— Не по душе насчет завтрашней вечеринки? — голос Ксении вырвал меня из раздумий.

Она села рядом, поджимая ноги под себя. В руке она держала уже теплую банку пива, допивая остатки. В темноте её лицо казалось бледнее, но глаза блестели знакомым вниманием.

— С чего ты взяла? — спросил я, стараясь звучать ровно.

— Да так... — она пожала плечами, отставляя банку в песок. — Я же знаю тебя. Ты всегда, когда задумываешься о чем-то плохом, у тебя глаза тускнеют. Прямо гаснут, как этот костер.

Я поморщился. Ненавидел, когда меня читали так легко.

— Мне не нравится мысль о том, что мы решили пойти на риск только ради бухла и мнения других, — твёрдо ответил я, глядя на тёмную воду. — Это глупо.

— Джей... — так любила называть меня Ксю. Она произнесла это мягко, протяжно, словно пытаюсь успокоить ребёнка. — Мы делаем это не только ради бухла, но и ради Скотта. Нашего друга. Не всё крутится вокруг одних тусовок. Ты же видел, как ему было тяжело.

Я вздохнул. Она была права. Как всегда.

— Да, просто это хороший бонус, — я чуть повеселел, уголок губ дрогнул.

Ксения тихо рассмеялась, и этот звук — живой, без наигранной блогерской нотки — показался мне самым нормальным за весь вечер. Она толкнула меня плечом, чуть сильнее, чем требовали приличия, но я не отстранился. С ней тот невидимый барьер, который я обычно выстраивал вокруг себя, давал трещину.

— Помнишь, как я в пятом классе только переехала? — её голос стал тише, мягче, теряя привычную бойкость. — С этим дурацким акцентом, из-за которого меня в классе дразнили. Для них я была просто «той самой новенькой». Чужой. А ты... ты подошёл первым.

Она повернула голову, глядя на меня через пляшущие языки пламени. В её глазах отражались искры костра.

— Ты был таким застенчивым, Джейс. Вечно прятался за своими книгами, боялся лишний раз слово сказать. Но тебя не испугала моя «чужость». Ты не смотрел на меня как на уродца.

Я усмехнулся, глядя на угли, которые медленно покрыва-

лись серым пеплом.

— Какая к чёрту чужая, Ксю, — тихо ответил я. — Мы с тобой одинаковы. Также, как и они.

Я сделал паузу, чувствуя, как к горлу подступает ком, и криво усмехнулся.

— Какая разница, чем пахнет дома или как он обставлен? Зато у нас был один и тот же секретный код. Момент, когда родители переходили на русский, чтобы обматерить ситуацию или друг друга, думая, что мы не понимаем. Вот это роднит лучше любых учебников.

Я посмотрел на неё, и в темноте её глаза казались почти чёрными.

— Я видел в тебе не «новенькую с акцентом». Я видел обычную девочку. Ту, кто понимает, каково это — жить на два фронта. И как страшно влиться в новую компанию, не то что в другую страну.

Ксения улыбнулась, и в этой улыбке было столько тепла, что мне стало стыдно за свои мрачные мысли о завтрашней вечеринке. Она придвинулась ещё ближе. Её плечо коснулось моего, и я не отстранился.

Обычно прикосновения вызывали у меня желание сбежать, выставить защитный барьер, кожа начинала ныть от чужого присутствия. Но Ксения... Ксения была другой. Она не требовала, чтобы я был сильным. Не ждала, что я возьму на себя ответственность за весь мир и стану для всех удобным. Она просто была рядом. Своя.

— Ты тогда защитил меня от тех парней у школы, — вспомнила она, глядя на угасающий костёр. — Помнишь? Они смеялись над моим акцентом. А ты подошёл и сказал, что если они не заткнутся, то узнают, каково это — лететь через забор головой вниз.

— Я помню, — кивнул я. — Ты стояла такая маленькая и злая... Как котёнок, который готов царапаться.

— Ты был не лучше, — она ткнула пальцем мне в грудь. — И глупым. Рисковал ради незнакомки. А тебе рюкзак порвали и синяков оставили.

— Разве для того, чтобы помочь, человек обязательно должен быть знакомым? — парировал я.

— Вот именно поэтому мы так быстро подружились, — рассмеялась Ксю.

Она замолчала, перебирая пальцами этикетку на банке. Ветер стих, и ночь стала тихой, только волны лениво накачивали на берег. Вдалеке наконец хлопнула дверца машины — Деймон, похоже, всё-таки уговорил Эбби сесть внутрь.

Я посмотрел на неё долго. В этот момент мне захотелось сказать ей всё. Рассказать о предчувствии, о том, что завтрашний день кажется мне ловушкой, о том, что этот банк пахнет смертью ещё до того, как мы туда вошли. Но я не сказал. Не хотел портить этот момент. Не хотел видеть страх в её глазах.

Вместо этого я просто накрыл её ладонь своей. Её пальцы были холодными, но мои — ещё холоднее. В этом прикосно-

вании было что-то якорное. Будто она единственная держала меня на поверхности этого безумного океана, в котором мы все тонули.

— Спасибо, что ты есть, Ксю, — сказал я честно, глядя ей прямо в глаза. В темноте они казались почти чёрными, но я знал их цвет наизусть. — Без тебя я бы, наверное, уже давно сошел с ума. Или убил кого-нибудь.

— Не за что, — она улыбнулась, и в этой улыбке было столько тепла, что мне стало стыдно за свои мрачные мысли. Она слегка сжала мою ладонь в ответ. — Мы же команда. Помнишь? Как в том комиксе, который мы читали в пятом классе.

Я поморщился, словно съел лимон вместе с кожурой.

— НЕТ! Забудь это, пожалуйста! — я попытался убрать руку, но она не отпустила.

— Неа! — она рассмеялась, звук был звонким, разбивающим ночную тишину. Ксю толкнула меня плечом, чуть сильнее, чем требовала дружба. — Ты был Доктором Думом, но всё равно спасал мир. В маске, в плаще... Такой пафосный. А я была тем, кто не давал ему сбежать на пенсию... Алой Ведьмой вроде?

— Заткнись! Умоляю! — простонал я, закрывая лицо свободной рукой, но улыбка всё же предательски поползла по губам.

Она подурачились ещё немного, толкаясь и смеясь, как два идиота.

Ксю вдруг стала серьезнее. Она вытащила руку из моей и провела ладонью по лицу, сбрасывая остатки смеха.

— Короче, если тебе будет лучше от этого, то обещаю: завтра я не пью, — её голос стал твёрдым, стальным. — И буду следить за всеми. Как наседка.

Я удивлённо поднял бровь. Ксения и алкоголь были неразлучны, как близнецы. Это было знакомое чувство рядом с ней — она всегда умела подставить плечо именно тогда, когда никто не просил. Уже не впервые Ксю помогала так, тихо и без лишнего пафоса.

— Спасибо, — я кивнул, чувствуя, как узел тревоги в желудке немного ослабевает. — Мне правда будет так спокойней. Зная, что ты трезвая... это плюс один к выживанию.

— О чем воркуете, голубки? — раздался голос со стороны машины.

Мы с Ксю резко обернулись. Деймон стоял у открытой дверцы водительского места, вытирая руки о джинсы, словно только что сделал что-то грязное. Его волосы растрепались, но улыбка была на месте — та самая самоуверенная ухмылка, которая бесила и притягивала одновременно.

— Неужели справился с этой психопаткой? — спросила Ксения, кивая на машину, где мирно посапывала Эбби.

Деймон перевёл дух, посмотрел назад, на темный силуэт машины, и вернулся к нам, засунув руки в карманы.

— Я вообще не понимаю, как можно быть такой... — он покачал головой, усмехаясь. — Минуту назад она вообще

не хотела лезть в машину, орала что-то про независимость и права женщин, а теперь... — он не успел закончить.

— Дай угадаю, она спит, — перебил я, угадывая сценарий наперёд. Эбби могла быть ураганом, но усталость брала своё.

— Да! — продолжал удивляться Деймон, разводя руками. — Вырубилась, как только голова коснулась подголовника. Я хмыкнул, и уголки губ дрогнули.

— Ничего удивительного, это в её духе.

— Так че обсуждали? — Деймон прислонился к капоту рядом со мной, плечо к плечу. От него пахло сигаретами и ночным холодом.

— Джейс всё еще не нравится твоя идея насчет вечеринок, — ответила Ксю, глядя на меня с лёгким укором.

Я посмотрел на неё взглядом, который явно говорил: «Какого хрена ты сдала меня?».

Деймон же расплылся в улыбке, принимая умиляющий вид, словно я был маленьким ребёнком, который боится темноты.

— Милый, ну что же ты так? — протянул он, склонив голову набок. — Переживаешь за нашу безопасность? Какой ты милый порой, мальчик мой. Беспокоишься о нас.

Я смотрел на него с неким раздражением, но с этой его моськой можно было только посмеяться. Он слишком хорошо знал, как нажимать на мои кнопки.

— Какой же ты придурок, я не могу, — рассмеялся я, качая головой. Смех вышел коротким, нервным.

— Слушай, в тебе говорит твоя интровертность, а не тревога, — парировал Деймон, тыкая меня пальцем в грудь. — Всё будет нормально. Кто не рискует, тот не пьет! Вот лучший девиз.

— Это вообще не девиз, Дейм, — фыркнул я.

— Теперь девиз, — он подмигнул и оттолкнулся от капота. — Ладно, я за руль. Вы с Ксю на заднее, чтобы присматривать друг за другом. И без паники, Доктор Дум. Мы всё контролируем.

— Тварь! Хоть кому-то... — Я хотел огрызнуться насчет комиксов, но промолчал. Деймон уже садился в машину, уверенный в себе, как всегда. Ксю тихо толкнула меня локтем.

— Он прав насчет риска, — шепнула она. — Но я всё равно буду следить.

Я посмотрел на машину, на силуэт Деймона, на темные окна дома за спиной. Где-то там, в темноте, был кто-то ещё. Кто-то, кто не шутил.

— Я знаю, — тихо ответил я, открывая заднюю дверь..

Мы сели в машину. Двигатель зарычал, разрезая тишину. Я посмотрел в зеркало заднего вида. Мои глаза выглядели уставшими. Но в них всё ещё горел тот самый огонь. Огонь, который не давал мне сгореть. Пока что.

Огонь в костре догорал, превращаясь в кучку тлеющих углей, которые лениво посылали в ночное небо последние ис-

кры. Эти искры жили недолго — вспыхивали ярко-оранжевым и тут же гасли, растворяясь в холодной темноте над океаном. Шум вечеринки стих окончательно, растворившись в шелесте волн. Компания разошлась кто куда: кто по домам, кто искать приключений в ночном городе, кто просто исчез в темноте пляжа. На песке остались только они двое.

Пляж казался огромным и пустым без смеха друзей. Ветер с воды усилился, пробирая до костей, заставляя ежиться даже самых стойких. Скотт сидел чуть в стороне, поджав ноги и механически рисуя прутом узоры на влажном песке. Круги, спирали, ломаные линии — все они тут же размывались наступающей водой. Его обычно энергичное лицо сейчас казалось поникшим, освещенным лишь мерцающим светом угасающего костра. Он редко вступал в общие разговоры сегодня, всё чаще поглядывая на телефон, экран которого периодически загорался и гас, но сообщений, которых он ждал, видимо, не было. Или он просто боялся их увидеть.

Сара стояла у кромки воды, спиной к нему. Волны лизали её босые ступни, но она не отходила. Её поза — руки скрещены на груди, подбородок чуть вздернут — говорила о привычной уверенности, но плечи были напряжены. Она развернулась резко, словно приняла какое-то решение, и направилась к нему. Песок хрустел под ногами, звук казался слишком громким в этой тишине.

Она села рядом, чуть ближе, чем требовало обычное дружеское расстояние. Скотт вздрогнул, оторвался от своего ри-

сунка и посмотрел на неё. В его глазах читался вопрос и та вечная, тихая забота, которая заставляла его всегда быть на шаг позади, готовым подхватить, если она оступится.

— Все ушли, — сказала Сара. Её голос звучал громче, чем обычно, словно она пыталась заглушить шум прибоя. Она тут же кашлянула, смягчая тон, и нервно провела рукой по волосам, сбрасывая песчинки. — То есть... я имею в виду, мы одни. Остальные разъехались.

Скотт поморщился, словно звук её голоса причинил ему физическую боль, но быстро скрыл это. Он отложил прутки в сторону, и тот упал в песок с тихим стуком.

— Вижу, — тихо ответил он. Он неуверенно улыбнулся, но улыбка не достигла глаз. — Холодно не будет? Ветер усиливается. Ты же без куртки.

Он начал ерзать, явно собираясь снять свою толстовку, чтобы отдать ей. Это был его рефлекс — защищать, укрывать, спасать. Он всегда чувствовал ответственность за тех, кто был рядом, особенно за неё. Но Сара перехватила его движение. Её ладонь легла на его запястье — твердо, но нежно. Её пальцы были холодными, но прикосновение обжигало.

— Скотт, перестань, — она вздохнула, и в этом вздохе не было привычной команды. Не было той Сары, которая раздавала указания направо и налево, которая могла одним взглядом заткнуть любого учителя. Было что-то хрупкое, словно стекло, готовое треснуть. — Я не замерзла. Мне просто...

страшно.

Скотт замер. Он привык видеть её разной: громкой, язвительной, защищающей его от всего мира. Но дрожащей — редко. Он медленно повернул ладонь и переплел свои пальцы с её пальцами. Его рука была теплой, шероховатой от песка, надежной. Якорь в этом шторме.

— Из-за всего этого? — он кивнул в сторону города, где в темноте скрывались огни домов. После пожара, который затронул их всех, мир казался другим. Хрупким. — Из-за того, что произошло летом? Из-за того, как всё изменилось?

Сара покачала головой. Она смотрела на их сцепленные руки, словно ответ был написан там, на линиях ладоней. Она сжала его пальцы сильнее, будто боялась, что он исчезнет, если ослабит хватку.

— Из-за того, что всё может закончиться, — выпалила она. Она не отвела взгляд, хотя её щеки покрыл легкий румянец, предающий её обычную самоуверенность. В свете угаасающего костра её глаза казались почти черными, глубокими и полными тревоги. — Мы тут шуточки шутим, тусуемся, пьем дешевое пиво, будто всё нормально. Будто завтра будет такой же день. А я смотрю на тебя и думаю... вдруг завтра тебя не будет. Вдруг я не успею сказать. Вдруг жизнь снова решит проверить нас на прочность, а мы так и останемся просто... друзьями.

Скотт сглотнул. Его кадык ходил ходуном. Он всегда знал, что сказать, чтобы успокоить других, когда они паниковали.

Он был тем парнем, который решал проблемы, который носил рюкзаки, который встречал после школы. Но когда дело касалось их двоих, слова застревали в горле, превращаясь в ком. Он посмотрел на их сцепленные руки, потом снова на неё. В его глазах плескалась такая искренняя боль и нежность, что Сара почувствовала, как ком подступает к горлу.

— Я никуда не уйду, — наконец произнес он. Его голос дрогнул, но звучал твердо, как сталь. — Пока я здесь, я не дам ничего случиться. Ты знаешь это. Я всегда рядом. Я никуда не денусь, Сара.

— Я знаю, что ты защищаешь меня, — Сара чуть наклонилась вперед, сокращая расстояние между ними. Её уверенность возвращалась, но теперь она была направлена не на атаку, а на сближение. Она искала его взгляд, не давая ему отвернуться. — Но я хочу не просто защиты, Скотт. Я не хочу быть просто той, кого ты спасаешь. Я хочу... чтобы ты был рядом. Не потому что должен. Не потому что ты чувствуешь ответственность. А потому что...

Она запнулась. Её пальцы сильнее сжали его ладонь, почти до боли. Ветер поднял её волосы, закрыв лицо, но она не убрала их. Она смотрела на него сквозь пряди, и в этом взгляде была вся её незащищенность.

— Потому что я люблю тебя, — выдохнула она, словно сбросила тяжелый рюкзак, который тащила miles. — Вот так. Громко и прямо. Как я умею. Без намеков и игр. Я люблю тебя, Скотт. Давно уже.

Скотт моргнул. Его глаза расширились, и на мгновение он показался совсем растерянным, как мальчишка, который впервые увидел море и не знает, можно ли в него заходить. Он не ожидал такой прямоты, даже от неё. Он привык, что чувства — это сложно, что их нужно заслужить, что он недостаточно хорош для неё, что она заслуживает кого-то яркого, как она сама. Уголки его губ дрогнули, и наконец на лице расцвела та самая улыбка — робкая, но светлая, освещающая всё его лицо, стирающая тени усталости.

— Я... — он начал, потом остановился, поняв, что слова слишком мелкие для того, что он чувствует. Слова были слишком дешевыми для этого момента. Он свободной рукой осторожно коснулся её щеки, большим пальцем проведя по скуле. Его прикосновение было невесомым, боясь нарушить момент, словно она была сделана из того же хрупкого стекла, что и её голос минуту назад. — Я тоже. Давно. Просто боялся, что... что я недостаточно хорош для тебя. Что ты заслуживаешь кого-то более... сильного. Кого-то, кто не боится говорить.

Сара фыркнула, но в её глазах блеснули слезы. Она накрыла его ладонь своей, прижимая сильнее к лицу. Она чувствовала тепло его кожи, запах его одежды — стиральный порошок и немного костра.

— Ты идиот, — прошептала она, но в её голосе не было яда. — Сила не в том, чтобы орать громче всех. Сила в том, чтобы оставаться рядом, когда все бегут. Ты — самый силь-

ный человек, которого я знаю, Скотт Хансен. Ты мой самый сильный человек.

Она не выдержала. Её импульсивность, та самая черта, которая часто втягивала их в неприятности, взяла верх. Она резко поднялась на колени, а затем, словно пружина, рванулась вперед. Скотт даже не успел моргнуть, как она оказалась на нем. Она запрыгнула ему на колени, обхватив ногами его талию, а руками — шею.

Скотт охнул от неожиданности, но инстинктивно подхватил её, обхватив руками за бедра, чтобы она не упала. Они оказались лицом к лицу, невероятно близко. Расстояния не существовало.

— Ты сказал, что ты рядом, — прошептала она, глядя ему прямо в глаза. Её дыхание касалось его губ. — Докажи.

Она не стала ждать ответа. Она поцеловала его первой — коротко, но fiercely, вкладывая в этот жест всю свою нерастраченную энергию, всю накопившуюся тревогу и страх потери. Это был поцелуй требовательный, живой, настоящий.

Скотт не остался в долгу. Он ответил мягче, но уверенно. Он крепче прижал её к себе, словно пытаясь укрыть от всего мира своим телом, словно боялся, что если отпустит, она растворится в ночном воздухе. Его пальцы впились в ткань её одежды на спине. В этот момент шум волн отошел на второй план. Не было ни пожаров, ни страхов, ни сомнений. Был только песок под ногами, тёплые руки, вес её тела на его коленях и обещание, которое они дали друг другу в темноте.

Когда они отстранились, они оба тяжело дышали. Сара улыбнулась — уже по-настоящему, без защитной маски, без вызова. Её лоб опирался на его лоб.

— Всё равно холодно, — соврала она, хотя её лицо горело, а сердце колотилось так громко, что, казалось, Скотт мог это услышать.

Скотт рассмеялся — тихо, счастливо. Звук этого смеха был лучше любой музыки. Он наконец снял свою толстовку, аккуратно помогая ей спуститься с его колен на песок, и накинул ткань ей на плечи. Она утонула в ней, рукава были длинными, пахло им — домом и безопасностью.

— Теперь точно не замерзнешь, — сказал он, поправляя воротник на её шее.

— Зато теперь пахну тобой, — заметила она, укутываясь в ткань, пряча подбородок в воротник. Её глаза смеялись. — Весь школа завтра будет знать.

— Пусть знают, — Скотт встал, протягивая ей руку. Его движения были плавными, уверенными. — Пойдем? Я провожу тебя. До самого порога.

Сара вложила свою ладонь в его. Она не нуждалась в провожатом, она могла дойти сама. Она была сильной. Но сейчас, сжимая его руку, она понимала, что ей не нужно быть сильной каждую секунду. Рядом с ним можно было позволить себе быть просто Сарой. Уставшей, влюбленной, живой.

— Только без геройства, — предупредила она, поднимаясь и отряхивая песок с колен. — Никаких драк с теньями.

Никаких подвигов ради галочки.

— Никаких драк, — согласился Скотт, переплетая их пальцы крепче. Он посмотрел на неё, и в его взгляде было столько тепла, что казалось, будто костер разгорелся снова. — Только домой.

Они пошли прочь от догорающего костра, оставляя за спиной темную воду и тени. Их силуэты слились в один, и даже ночь казалась не такой густой, когда они шли вместе. Ветер всё ещё дул с океана, но теперь он не казался холодным. Они шли медленно, не спеша, наслаждаясь каждым шагом, каждым прикосновением плеч. Впереди была дорога, школа, проблемы, но сейчас, в этой темноте, у них было всё, что нужно.

Они шли медленно, наслаждаясь тишиной ночного города. Фонари редкими пятнами света ложились на асфальт, разгоняя густую темноту. После шумного пляжа и разговоров у костра эта прогулка казалась чем-то интимным, принадлежащим только им двоим. Они решили не идти напрямую, а сделать крюк, обходя спальные кварталы, чтобы продлить этот момент.

— Затишье перед бурей, — повторила Сара слова Скотта, когда они подходили к улице, где жил Тайлер Оливейра. — Иногда мне кажется, что мы сами ищем эту бурю.

Скотт пожал плечами, крепче сжимая её ладонь. — Если искать вместе, то не так страшно.

Они поравнялись с домом Амайи. Двухэтажное здание то-

нуло в тени деревьев, большинство окон были темными, спали. Но в окне спальни на втором этаже горел тусклый свет, занавеска была слегка отдернута. Сара машинально взглянула наверх, привычка проверять, все ли в порядке у подруги, сидела в ней глубоко.

На следующий день Скотт признался мне, что они с Сарой теперь вместе. Он говорил тихо, отводя взгляд, и краснел так, словно ему было пятнадцать, пусть ему было шестнадцать... Он не пересказывал каждое слово, сбивался и мялся, но мне это и не нужно. Мне не нужны все слова, чтобы восстановить картину. Я знаю их. Я знаю этот пляж, этот пробирающий до костей ветер и тот липкий, невидимый страх, который висел над нами всеми той ночью, словно предчувствуя огонь.

Я просто закрыл глаза, сидя на уроке, и позволил воображению сделать всё за меня. Так, я уверен, всё и было.

Огонь в костре уже догорал, превращаясь в кучку тлеющих углей, которые лениво посылали в ночное небо последние искры. Эти искры жили недолго — вспыхивали ярко-оранжевым и тут же гасли, растворяясь в холодной темноте над океаном. Шум вечеринки стих окончательно, растворившись в шелесте волн. Компания разошлась кто куда. На песке остались только они двое.

Пляж, наверное, казался огромным и пустым без смеха друзей. Ветер с воды усилился, пробирая до костей. Скотт сидел чуть в стороне, поджав ноги и механически рисуя пру-

том узоры на влажном песке. Я знаю этот его жест — его способ сбросить напряжение, когда мысли не дают покоя. Круги, спирали, ломанные линии — все они тут же размывались наступающей водой. Его лицо сейчас наверняка было поникшим, освещенным лишь мерцающим светом угасающего костра. Он редко вступал в общие разговоры сегодня, всё чаще поглядывая на телефон. Сообщений, которых он ждал, видимо, не было. Или он просто боялся их увидеть.

Сара стояла у кромки воды, спиной к нему. Волны лизали её босые ступни, но она не отходила. Её поза — руки скрещены на груди, подбородок чуть вздернут — говорила о привычной уверенности, но я знаю Сару. Я знаю, что её плечи были напряжены. Она развернулась резко, словно приняла какое-то решение, и направилась к нему. Песок хрустел под ногами, звук казался слишком громким в этой тишине.

Она села рядом, чуть ближе, чем требовало обычное дружеское расстояние. Скотт вздрогнул, оторвался от своего рисунка и посмотрел на неё. В его глазах читался вопрос и та вечная, тихая забота, которая заставляла его всегда быть на шаг позади, готовым подхватить, если она оступится.

— Все ушли, — сказала Сара. Её голос звучал громче, чем обычно, словно она пыталась заглушить шум прибоя. Она тут же кашлянула, смягчая тон, и нервно провела рукой по волосам, сбрасывая песчинки. — То есть... я имею в виду, мы одни. Остальные разъехались.

Скотт поморщился, словно звук её голоса причинил ему

физическую боль, но быстро скрыл это. Он отложил пруток в сторону, и тот упал в песок с тихим стуком.

— Вижу, — тихо ответил он. Он неуверенно улыбнулся, но улыбка не достигла глаз. — Холодно не будет? Ветер усиливается. Ты же без куртки.

Он начал ерзать, явно собираясь снять свою толстовку, чтобы отдать ей. Это был его рефлекс — защищать, укрывать, спасать. Он всегда чувствовал ответственность за тех, кто был рядом, особенно за неё. Но Сара перехватила его движение. Её ладонь легла на его запястье — твердо, но нежно. Её пальцы были холодными, но прикосновение обжигало.

— Скотт, перестань, — она вздохнула, и в этом вздохе не было привычной команды. Не было той Сары, которая раздавала указания направо и налево. Было что-то хрупкое, словно стекло, готовое треснуть. — Я не замерзла. Мне просто... страшно.

Скотт замер. Он привык видеть её разной: громкой, язвительной, защищающей его от всего мира. Но дрожащей — редко. Он медленно повернул ладонь и переплел свои пальцы с её пальцами. Его рука была теплой, шероховатой от песка, надежной. Якорь в этом шторме.

— Из-за всего этого? — он кивнул в сторону города, где в темноте скрывались огни домов. После всего, что произошло тем летом, мир казался другим. Хрупким. — Из-за того, что произошло? Из-за того, как всё изменилось?

Сара покачала головой. Она смотрела на их сцепленные руки, словно ответ был написан там, на линиях ладоней. Она сжала его пальцы сильнее, будто боялась, что он исчезнет, если ослабит хватку.

— Из-за того, что всё может закончиться, — выпалила она. Она не отвела взгляд, хотя её щеки покрыл легкий румянец, предающий её обычную самоуверенность. В свете угасающего костра её глаза казались почти черными, глубокими и полными тревоги. — Мы тут шуточки шутим, тусуемся, пьем дешевое пиво, будто всё нормально. Будто завтра будет такой же день. А я смотрю на тебя и думаю... вдруг завтра тебя не будет. Вдруг я не успею сказать. Вдруг жизнь снова решит проверить нас на прочность, а мы так и останемся просто... друзьями.

Скотт сглотнул. Его кадык ходил ходуном. Он всегда знал, что сказать, чтобы успокоить других, когда они паниковали. Он был тем парнем, который решал проблемы, который носил рюкзаки, который встречал после школы. Но когда дело касалось их двоих, слова застревали в горле, превращаясь в ком. Он посмотрел на их сцепленные руки, потом снова на неё. В его глазах плескалась такая искренняя боль и нежность, что Сара почувствовала, как ком подступает к горлу.

— Я никуда не уйду, — наконец произнес он. Его голос дрогнул, но звучал твердо, как сталь. — Пока я здесь, я не дам ничего случиться. Ты знаешь это. Я всегда рядом. Я никуда не денусь, Сара.

— Я знаю, что ты защищаешь меня, — Сара чуть наклонилась вперед, сокращая расстояние между ними. Её уверенность возвращалась, но теперь она была направлена не на атаку, а на сближение. Она искала его взгляд, не давая ему отвернуться. — Но я хочу не просто защиты, Скотт. Я не хочу быть просто той, кого ты спасаешь. Я хочу... чтобы ты был рядом. Не потому что должен. Не потому что ты чувствуешь ответственность. А потому что...

Я знаю, что она сказала дальше. Я знаю, потому что видел, как они смотрели друг на друга на следующий день. В этом взгляде больше не было страха. Только та самая, тихая, отчаянная уверенность.

— Потому что я люблю тебя, — выдохнула она, словно сбросила тяжелый рюкзак, который тащила годами. — Вот так. Громко и прямо. Как я умею. Без намеков и игр. Я люблю тебя, Скотт. Давно уже.

Я представляю, как Скотт моргал, пытаясь осознать услышанное. Его глаза расширились, и на мгновение он показался совсем растерянным, как мальчишка, который впервые увидел море и не знает, можно ли в него заходить. Он всегда считал её недостижимой. Для него она была яркой, как вспышка, и он привык думать, что недостаточно хорош, что она заслуживает кого-то более громкого, более сильного. Но когда он наконец улыбнулся — робко, но так светло, что это стерло все тени усталости с его лица, — он понял, что ошибался.

— Я... — он начал, потом остановился, поняв, что слова слишком мелкие для того, что он чувствует. Он свободной рукой осторожно коснулся её щеки, большим пальцем проведя по скуле. Его прикосновение было невесомым, боясь нарушить момент, словно она была сделана из того же хрупкого стекла, что и её голос минуту назад. — Я тоже. Давно. Просто боялся, что... что я недостаточно хорош для тебя. Что ты заслуживаешь кого-то более... сильного. Кого-то, кто не боится говорить.

Сара фыркнула, но в её глазах блеснули слезы. Она накрыла его ладонь своей, прижимая сильнее к лицу.

— Ты идиот, — прошептала она, и в её голосе не было яда. — Сила не в том, чтобы орать громче всех. Сила в том, чтобы оставаться рядом, когда все бегут. Ты — самый сильный человек, которого я знаю, Скотт Хансен. Ты мой самый сильный человек.

Её импульсивность, та самая черта, которая часто втягивала их в неприятности, взяла верх. Она резко поднялась на колени, а затем, словно пружина, рванулась вперед. Скотт даже не успел моргнуть, как она оказалась на нем. Она запрыгнула ему на колени, обхватив ногами его талию, а руками — шею.

Скотт охнул от неожиданности, но инстинктивно подхватил её, обхватив руками за бедра, чтобы она не упала. Они оказались лицом к лицу, невероятно близко. Расстояния не существовало.

— Ты сказал, что ты рядом, — прошептала она, глядя ему прямо в глаза. Её дыхание касалось его губ. — Докажи.

Она поцеловала его первой. Это был поцелуй требовательный, живой, настоящий. Скотт не остался в долгу. Он ответил мягче, но уверенно, крепче прижав её к себе, словно пытаясь укрыть от всего мира своим телом. В этот момент шум волн отошел на второй план. Не было ни пожаров, ни страхов, ни сомнений. Был только песок под ногами, тёплые руки и обещание, которое они дали друг другу в темноте.

Когда они отстранились, Сара улыбнулась — уже по-настоящему, без защитной маски.

— Всё равно холодно, — соврала она, хотя её лицо горело.

Скотт рассмеялся — тихо, счастливо. Он наконец снял свою толстовку и накинул ткань ей на плечи. Она утонула в ней, рукава были длинными, пахло им — домом и безопасностью.

— Теперь точно не замерзнешь, — сказал он.

— Зато теперь пахну тобой, — заметила она, пряча подбородок в воротник. Её глаза смеялись. — Весь школа завтра будет знать.

— Пусть знают, — Скотт встал, протягивая ей руку. — Пойдем? Я провожу тебя.

Сара вложила свою ладонь в его. Она не нуждалась в провожатом, она могла дойти сама. Она была сильной. Но сейчас, сжимая его руку, она понимала, что ей не нужно быть сильной каждую секунду. Рядом с ним можно было позво-

лить себе быть просто Сарой. Уставшей, влюбленной, живой.

Они шли медленно, наслаждаясь тишиной ночного города. Фонари редкими пятнами света ложились на асфальт, разгоняя густую темноту. После шумного пляжа и разговоров у костра эта прогулка казалась чем-то интимным, принадлежащим только им двоим. Они решили не идти напрямую, а сделать крюк, обходя спальные кварталы, чтобы продлить этот момент.

— Затишье перед бурей, — повторила она слова Скотта, когда они подходили к улице, где жила Амайя Оливейра. — Иногда мне кажется, что мы сами ищем эту бурю.

Скотт пожал плечами, крепче сжимая её ладонь. — Если искать вместе, то не так страшно.

Как же он ошибался. Бурю нельзя искать вместе. В неё просто попадаешь.

Они поравнялись с домом Амайи. Двухэтажное здание тонуло в тени деревьев. Но в окне спальни на втором этаже горел тусклый свет, занавеска была слегка отдернута. Сара машинально взглянула наверх — привычка проверять, все ли в порядке у подруги, сидела в ней глубоко.

И тут её идиллия разбилась о реальность.

Я спросил Скотта, как они с Сарой вчера дошли до дома. Он ответил слишком быстро. И, что важнее, его глаза метнулись в сторону. Влево. В сторону улицы Оливейра.

Люди думают, что ложь — это слова. Но ложь — это микродвижения. Это то, как Скотт непроизвольно потёр переносицу.

сицу. Это то, как Сара на вечеринке, не сводит с Амайи глаз. Она смотрит на подругу не с любопытством. Она смотрит на неё с пугающей, осторожной жалостью. Так смотрят на людей, которые стоят на краю.

Я закрыл глаза, позволяя своей писательской паранойе сделать остальное. Я знал их маршрут. Я знал дом шерифа. Я знал, что Сара не умеет проходить мимо чужих секретов, особенно если они касаются её подруги. Я знал их так хорошо, что мог написать их диалоги за них.

Догадываясь об парочке других секретов... Вот как это было. Я уверен, что ровно так.

Они поравнялись с домом Амайи. Двухэтажное здание тонуло в тени деревьев. Но в окне спальни на втором этаже горел тусклый свет, занавеска была слегка отдернута. Сара машинально взглянула наверх — привычка проверять, все ли в порядке у подруги, сидела в ней глубоко. И тут её идиллия разбилась о реальность.

Тень метнулась к подоконнику. Рама бесшумно поднялась. Сара замерла, инстинктивно втянув голову в плечи и потянув за собой Скотта в тень высокого куста сирени у забора.

— Что... — начал было Скотт, но Сара резко зажала ему рот ладонью, указывая глазами на окно.

Из проема показалась фигура. Парень ловко перекинул ногу через подоконник, повис на руках на секунду и бесшумно спрыгнул на газон. Он пригнулся, огляделся по сторонам,

словно хищник, проверяющий территорию, и быстро, почти бегом, скрылся за углом дома.

Но этого мгновения хватило. Узнаваемый силуэт. Уверенная походка. Даже в темноте.

Кристиан.

Сара отпустила руку Скотта, только когда шаги стихли вдаль. Она выглянула из-за куста, убедилась, что улица пуста, и только тогда выдохнула.

— Ты видела? — шепотом спросил Скотт, его лицо в полумраке выглядело озадаченным. — Это был Кристиан? Выходил из окна Амайи? В втором часу ночи?

Сара кивнула, медленно выпрямляясь. В голове роился рой вопросов. Кристиан и Амайя? Они же никогда не показывали виду. Более того, ходили слухи, что Кристиан встречается с Мэри. Зачем тогда тайные встречи? Зачем лазать через окно, как вор?

— Видела, — тихо ответила Сара, отряхивая листья с куртки. Голос её звучал странно, сухо.

— Может, они просто... — Скотт замялся. — Видятся тайно?

— Может быть, — Сара обхватила себя руками. — Но почему так скрытно? И почему он выглядел так, будто скрывается не от родителей, а от кого-то ещё?

Она посмотрела на темное окно спальни Амайи. Свет внутри погас.

— Мы никому не скажем, — вдруг твёрдо произнесла Са-

ра. В её глазах читалась решимость, смешанная с тревогой.

— Сара, может, стоит сказать Тайлеру? Или хотя бы друзьям? — Скотт выглядел сомневающимся.

— Нет, — отрезала она. — Пока нет. Если это роман, мы разрушим доверие Амайи. Если там что-то другое... нам нужно понять что. Я завтра пойду на вечеринку. Посмотрю на неё. Попробую поговорить.

— Ты думаешь, она расскажет?

— Не знаю. Но я буду следить. — Сара вздохнула. — Я хочу надеяться, что это просто помощь с домашкой. Что они просто друзья.

— А если нет?

Сара помолчала, глядя на тёмный силуэт дома. — Тогда мы узнаем об этом первыми. Но давай пока оставим это между нами. Обещаешь?

Скотт кивнул.

— Обещаю. Между нами.

Они пошли дальше. Ночь снова окутала их, но теперь тишина казалась не такой спокойной. Сара сжала руку Скотта крепче. Где-то в глубине души червячок сомнения уже точил эту надежду. Почему он оглядывался? Почему свет погас так резко?

— Пойдём быстрее, — сказала Сара, ускоряя шаг. — Проводи меня до двери.

— Всегда, — ответил Скотт, догоняя ее.

Шум вечеринки стих, растворившись в шелесте волн. Компания начала редеть: кто-то уже собирался по домам, кто-то допивал последние банки у воды. Амайя поднялась первой. Она и раньше так делала — уходила раньше всех. Её отец, шериф, не любил, когда она задерживается, да и сама она чувствовала границу, за которой веселье превращалось в хаос.

Я смотрел им в спину, и моя голова всё ещё гудела. Кристиан. Окно Амайи. Второй час ночи. Моя параноя, которую я так старательно подавлял кучу времени, снова начала поднимать голову. Если Кристиан действительно лазил к ней через окно, то что могло происходить в этом идеальном доме шерифа?

Амайя подошла попрощаться с Мейсоном и Лидией, которые сидели на брошенном бревне, тесно прижавшись друг к другу. Мейсон кивнул, не отрывая взгляда от девушки, Лидия махнула рукой сонно. Амайя улыбнулась и повернулась к выходу с пляжа.

Лукас заметил это сразу. Он сидел чуть в стороне, наблюдая за угасающим огнем, но стоило Амайе двинуться, как он поднялся. Он даже не удивился сестре — он всегда знал её расписание лучше, чем она сама. Это был его рефлекс. Быть тенью. Быть опорой.

— Да, Лукас, я... уже поздно, и я... — начала Амайя, поправляя лямку сумки.

— Да я понял, тебе домой пора, давай провожу, — отве-

тил он со спокойствием, которое его отличало. Он не спрашивал разрешения, он просто констатировал факт.

Амайя остановилась и обернулась, слегка озадаченная. Она привыкла к его заботе, но иногда её интенсивность сбивала с толку.

— Ты уверен? — она приподняла бровь, собирая сумку удобнее. — А как же твое любование Джейсом?

Да, она это сказала. Лукас потом краснел, вспоминая этот момент, а Амайя хихикала, ему в лицо.

Она подшутила, и в её глазах заплясали озорные искорки. Амайя кивнула в сторону костра, где Ашер о чем-то громко шутил с Деймоном. Я стоял рядом с ними, в самом кругу света, и, наверное, моё лицо выражало скрытое раздражение. Мой взгляд скользнул по Ашеру с явным осуждением, словно каждое слово того казалось мне проявлением дурного вкуса. Я оглянулся на Эбби, которая сидела на песке, поджав ноги. Та, встретившись со мной глазами, показушно закатила глаза, без слов передавая мне немой уговор: «Я тоже его терпеть не могу».

Лукас замер на секунду, его щеки покрыл легкий, едва заметный румянец. Он не ожидал такого удара в лоб.

— Ой! Очень смешно! Ха-ха, — ответил он сухо, но уголок его губ дрогнул. Он попытался сохранить невозмутимость, но получилось не очень убедительно.

— Я буду долго припоминать, — подмигнула Амайя, довольная его реакцией. Ей нравилось выводить его из равно-

веса, видеть, что под маской спокойствия скрывается живой человек. — Пошли.

Они отправились домой. Погода была спокойной, не так холодно и не жарко — идеальная прохладная ночь начала лета. Воздух пах солью, остывшим песком и ночными цветами. Лукас молча взял сумку Амайи из её рук. Она не сопротивлялась. Она знала, что спорить бесполезно, да и не хотела. Ей нравилось идти налегке, знать, что он рядом, что тяжесть её вещей — это его забота.

Я знаю эту прогулку. Я знаю каждый их шаг. Амайя жаловалась на отца. И я, зная их обоих лучше, чем они сами, без труда восстановил эту картину в голове. Шаг за шагом. Слово в слово.

Они шли рядом, плечо к плечу. Тишина не была неловой, она была наполненной. Но Лукаса не особо устраивало данное молчание. Он привык заполнять паузы.

— Так что? Как там твой отец? — начал Лукас, глядя прямо перед собой. Его голос звучал ровно, но в нем читалось искреннее участие.

Амайя вздохнула, пнув носком кроссовка маленький камешек. Он отскочил от асфальта и исчез в темноте газона.

— Да нормально, — ответила она на легке, хотя в голосе проскользнула нотка раздражения. — Городок скучный, мало что происходит тут, но он на всем перестраховывается. Такой зануда! Я не могу! Вечно проверки, вечно «будь дома до десяти», «не ходи туда», «не говори с ним».

Лукас рассмеялся. Звук был тихим, мягким, словно он боялся потревожить ночную тишину.

— Ты мне напоминаешь его младшую сестру.

Амайя повернула голову к нему, глаза расширились от воспоминания.

— Ой, Бри? — она рассмеялась, и звук получился звонким. — Она к нам приехала на неделе. Боже, отец как-то за столом сказал, что Бри слишком думает о настоящем. Несмотря на её любовь к учебе и стремлению стать юристом... — Амайя покачала головой, усмехаясь. — Никогда бы, кстати, не подумала, что она пойдет туда. Она тогда будет точной копией «Блондинки в законе». Всё розовое, блески, но мозг работает быстрее, чем у любого из нас.

Лукас слушал внимательно, кивая. Он любил её истории. Они делали мир менее серьезным.

— Так вот, — продолжала Амайя, оживляясь. Её руки начали жестикулировать, рисуя картину в воздухе. — Он ей это сказал. Про «настоящее», про то, что она витает в облаках, хотя она только что получила грант. А она взяла и кинула в него еду по лицу!

Лукас остановился, его глаза округлились.

— Серьезно?

— Да! — Амайя захохотала, представив эту сцену снова. — Картофельное пюре. Прямо в лоб. У него такое лицо было, будто он арестует её прямо за ужином! Глаза бешенные, челюсть отвисла. Мама чуть чаем не подавилась.

Лукас рассмеялся, запрокинув голову. Это было редкое зрелище — Лукас, смеющийся искренне, без сдерживания.

— Ну что могу сказать... — он вытер слезу смеха с уголка глаза. — Это было рискованное решение. Тем более с твоим отцом! — он закатил глаза, представляя лицо шерифа. — Уж не знаю, как с ним вообще разговаривать... Мне бы хватило одного его взгляда, чтобы забыть все слова.

— Ну с ним сложно, соглашусь, но зато он всегда на посту, — ответила Амайя, Лукас пожал плечами, перебрасывая лямку её сумки на другое плечо. Его движения были плавными, привычными. Он носил её вещи так же естественно, как дышал.

— Лучше зануда, чем равнодушный. — ответил Лукас.

Амайя фыркнула, но в её глазах плясали искорки.

— Равнодушный... — повторила она задумчиво. — Знаешь, иногда мне кажется, что его равнодушие — это просто маска. Он слишком много видит, Лукас. Слишком много грязи. И дома он просто хочет тишины. А мы с мамой... мы слишком громкие.

— Вы — жизнь, — тихо поправил Лукас. Он остановился под фонарём, свет которого выхватывал из темноты профили их лиц. — Без вашего шума его тишина превратилась бы в склеп.

Амайя подняла на него взгляд. В свете лампы его глаза казались почти чёрными, глубокими и спокойными, как омут. В такие моменты она забывала, что они выросли вместе, что

их связывает кровь и общие семейные ужины, где отец вечно читал нотации. В такие моменты он был просто Лукасом. Её Лукасом.

— Ты слишком хорошо меня знаешь, — прошептала она, делая шаг ближе. — Иногда даже пугающе хорошо.

— Мы вместе с пелёнок, Май, — он улыбнулся, и эта улыбка согнула её колени, как всегда. — Я знаю, когда ты врешь, когда тебе страшно, и когда ты хочешь, чтобы я просто молчал и был рядом.

Я понимал эту улыбку. Я видел её сотни раз. Она была его способом сказать: "Я здесь. Я не уйду". Но сейчас, зная про Кристиана, я видел в этой улыбке что-то ещё. Что-то, чего он сам, возможно, не осознавал. Лукас не просто заботился о ней. Я бы иногда посчитал, что он был влюблён в неё. И это делало всё сложнее. Потому что я тоже...

Нет. Не сейчас. Сейчас важно другое.

— А сейчас чего я хочу? — приподняла бровь Амайя, хотя сердце уже предательски застучало быстрее.

Лукас сделал шаг навстречу, сокращая расстояние до минимума. Он пах ночной свежестью, немного дымом от костра и тем самым одеколоном, который она подарила ему на прошлый день рождения.

— Сейчас ты хочешь, чтобы я перестал нести чушь про твоего отца и просто обнял тебя, — сказал он уверенно.

Амайя улыбнулась, и в этой улыбке было столько тепла, что Лукас вдруг почувствовал, как горят кончики ушей. Его

руки сначала замерли в воздухе, словно не зная, куда их деть, а потом всё же обвили её плечи, притягивая к себе.

— Попался, — прошептала она ему в воротник куртки.

Лукас отстранился первым, словно обжёгся. Он тут же опустил взгляд, принявшись тщательно разглядывать собственные кроссовки, и рука машинально потянулась к затылку, почесать его — верный признак его смущения.

— Ну... я же сказал, что знаю, чего ты хочешь, — пробормотал он, и голос его предательски дрогнул. — Это не сложно.

— Для кого-то другого — сложно, — Амайя поправила лямку сумки на его плече, хотя могла бы давно забрать её сама. Ей нравилось видеть его таким. Большим, сильным, но внутри — мягким и немного растерянным, когда дело касалось их. — Ты знаешь, о чём я думаю иногда?

Лукас поднял на неё глаза. — О чём?

— Что ты слишком много места занимаешь в моей жизни, — она сказала это серьёзно, но в уголках губ играла улыбка. — И слишком мало в своей. Ты всегда рядом со мной, с Лидией или Мейсоном. А где сам Лукас?

Вот оно. Тот самый вопрос, который я сам себе задавал сотни раз. Почему Лукас всегда ставил всех нас выше себя? Почему он никогда не говорил о своих чувствах? Почему он прятался в тени, как будто боялся занять слишком много места?

Теперь я понимал. Он боялся не места. Он боялся поте-

рять то, что уже имел. Боялся, что если скажет вслух, то разрушит хрупкое равновесие.

Парень пожал плечами, снова отводя взгляд к темным кустам вдоль дороги.

— Мне нормально. У меня... ну, вы же как семья. Больше мне ничего и не надо.

— Лукас, — Амайя остановилась, заставляя и его замереть. Она взяла его за свободную руку, сжимая ладонь крепко. — Ты и есть семья. Не «как». Ты для моего отца второй сын, хоть он это никогда вслух не признает. Для меня ты... — она запнулась, подбирая слова, чтобы не спугнуть его. — Ты свой. Понимаешь? Не нужно заслуживать это место. Оно твоё по праву.

Лукас слушал её, и по тому, как сглотнул, было видно, что слова попадают точно в цель, вызывая смесь радости и неловкости. Он был человеком, который привык заботиться молча, оставаться в тени, быть удобным. Когда его вытаскивали на свет и называли важным, он не знал, как реагировать.

— Спасибо, Май, — тихо сказал он, и в голосе звучала искренняя благодарность. — Просто... мои родители далеко. А у вас... у вас шумно. Иногда слишком. Но тепло.

— Вот и оставайся в тепле, — она легонько толкнула его плечом. — Никаких отговорок. Завтра после школы заходи к нам, а после мы пойдём на вечеринку вместе. Отец купил какую-то новую штуку для гриля, будет хвастаться перед всеми соседями. Ему нужна аудитория, которая сделает

вид, что ему интересно.

Лукас рассмеялся, и напряжение наконец спало. Плечи расправились, улыбка стала естественной. — Ну, ради бесплатной еды я готов потерпеть его лекции о безопасности гриля.

— Вот и отлично, — Амайя удовлетворённо кивнула.

— На личном плане у тебя как? — неожиданно спросила Амайя, нарушая затянувшееся молчание. Её голос прозвучал чуть тише обычного, словно она боялась спугнуть ночную тишину.

Лукас удивлённо моргнул и чуть замедлил шаг. Он повернул голову к девушке, и при свете уличного фонаря было видно, как его брови ползли вверх.

— В плане? — он нервно усмехнулся, пряча руки в карманы шорт.

— Ну... ничего такого. Совсем ничего. Всё по-старому.

Прятать руки в карманы, отводить взгляд, нервничать. Лукас врал. И Амайя это видела. Она всегда видела.

Амайя не ответила сразу. Она начала пристально разглядывать парня, пока они шли дальше. Её взгляд скользнул по его профилю, задержался на сжатых губах, на том, как он избегает смотреть прямо на неё. Она знала этот жест. Лукас врал только тогда, когда хотел кого-то защитить. Или себя.

— Я думала, что у вас с Адамом всё серьёзно, — наконец произнесла она, стараясь, чтобы голос звучал небрежно, словно между прочим. — Разве нет?

Вот оно. Адам. Брат Ашера. Тот самый Адам, которого я видел в заброшенном крыле банка в ту ночь. Тот самый Адам, который...

Я сжал челюсти. Пазл складывался. Лукас и Адам. Тайные отношения. И Кристиан у окна Амайи, тоже тайные отношения. У них видимо это семейное.

Сколько ещё секретов мы тащили на себе? Сколько ещё лжи пряталось за улыбками?

Лукас замялся. Его кадык дёрнулся, когда он сглотнул. Конечно, у них была история. Были моменты близости с братом Ашера. Они с братом вообще мало чем были похожи: если Ашер был высоким, угловатым и резким, как необработанный камень, то Адам — чуть ниже, но более спортивный, с мягкими чертами лица и глазами, в которых редко читалась злоба. Старший ребенок в семье, несущий груз имени, но не наследующий характер отца.

Лукас, хоть и был немного робким в проявлении чувств, обладал твёрдым стержнем внутри. Он мало чего стыдился, кроме, пожалуй, своей чрезмерной заботы о других, которую часто принимали за слабость.

— А! — Амайя хлопнула в ладоши, словно поймала его на месте преступления. — Так и знала, что вы еще вместе. Или уже нет? Ты же молчишь, как партизан.

— Да я еще ничего и не ответил! — Лукас всплеснул руками, и в его голосе прорезались нотки искреннего возмущения, смешанного с улыбкой.

Я знаю, чем закончилась та прогулка. Мне не нужны были их исповеди, чтобы восстановить эту сцену. Я понимал их обоих до дрожи, до последнего вздоха. Я знал, как Лукас прячет свою заботу за сарказмом, и я знал, как Амайя отшучивается, когда загнана в угол.

Мой мозг, этот проклятый аналитический механизм, просто достроил картину. Я слышал их голоса, эхом отдающиеся в моей голове, пока я сидел у догорающего костра и думал о том, как Кристиан Уокер лезет в окно её спальни... фу! Просто омерзительно!

Вот как это было. Я уверен, что ровно так.

— Да и не надо, — Амайя хитро прищурилась, и в её глазах заплясали озорные искорки. — Всё и так по глазам видно. Вы давно не появлялись вместе у нас на радарах, поэтому я решила, что мол, разбежались. Ты же собака, мне ничего не говоришь! Обидно же.

Лукас фыркнул и толкнул её плечом, чуть сильнее, чем требовала дружба.

— Ой, кто бы говорил. Сама-то? Прозрачная как стекло?

— А что я-то? — Амайя сделала вид, что не понимает, расправляя плечи. — У меня всё чётко.

— Да? — Лукас остановился и развернулся к ней лицом. Его взгляд стал серьёзным, пронизательным. — Зачем встречаться с одним и давать надежду другому?

Амайя замерла. Её улыбка медленно сползла с лица, словно маску сняли.

— Что? — она нахмурилась. — Я ничего такого не делаю!

— Да? — Лукас сделал шаг ближе. — Что сегодня было на пляже?

Амайя криво усмехнулась, отвела взгляд и пнула носком кроссовка маленький камешек на асфальте.

— Джейс... — тихо произнесла она, словно признаваясь в преступлении. — Ты заметил, как он смотрел на меня сегодня?

Лукас вздохнул и снова двинулся в путь.

— Заметил, — честно ответил он. — Сложно не заметить, когда кто-то смотрит на тебя как на единственный источник кислорода в комнате. Там воздуха не хватало, если честно.

Читая эти строки сейчас, вспоминая тот эпизод, я чувствую, как к горлу подступает желчная горечь. Она заметила. Конечно, она заметила. Амайя — дочь шерифа, она читала мой взгляд как открытую книгу. Но она просто спрятала это подальше, потому что не могла справиться с тем, что уже было.

— И тебя это не бесит? — её голос чуть повысился, проверяя его. — Ревность старшего брата... там нет? Не играет?

— Должно было бы, — Лукас пожал плечами. — Но я знаю Джейса. И я знаю тебя. Вы оба... сломанные.

Он улыбнулся, пытаясь разрядить обстановку, но глаза оставались грустными.

— К тому же, из твоих рассказов Кристиан слишком хороший на моё удивление. Тебе станет скучно с ним, рано или

поздно. Ты же огонь, Май. А скучная Амайя — это страшнее любого убийцы.

— Джейс не из тех людей, которые будут встречаться или хоть как-то поддаваться на эмоции, — возразила она, но в её голосе не было уверенности.

— Но это не отменяет того, что ты ему нравишься, — Лукас настаивал, его улыбка стала шире, теплее. Он наклонился к ней, заглядывая в глаза. — А он... те-е-ебе...

— Нет! Нет, нет, нет! — Амайя закрыла уши ладонями, словно маленький ребёнок, и начала ускорять шаг. — Не начинай!

— Куда ты? — рассмеялся Лукас, догоняя её.

— Ой, смотри! — она резко остановилась и указала рукой вперёд. — Как печально. Придётся завершить этот очень крутой и заманчивый диалог. Мы пришли.

Они свернули на её улицу. Я знаю этот дом. Двухэтажный кирпичный особняк, который выглядит скорее, как крепость, чем как жилище. Высокий забор, камеры по углам, строгие линии архитектуры. В окне кабинета на первом этаже горел свет. Жёлтый прямоугольник в темноте ночи, словно немигающий глаз.

— Свет горит, — заметил Лукас, кивая на окно. — Дежурит?

— Скорее всего, бумаги проверяет, — вздохнула Амайя. — Он не умеет расслабляться.

Они подошли к калитке. Лукас наконец отдал ей сумку, и

пальцы их на мгновение соприкоснулись. Он не убрал руку сразу, задержал взгляд на её лице. В его глазах читалось что-то большее, чем просто родственная привязанность, но он никогда не говорил об этом вслух. Это было их негласное правило: не нарушать хрупкое равновесие.

— Ну всё, иди, — сказал он, делая шаг назад, в тень улицы. — А то шериф подумает, что я тебя похищаю.

— Он знает, что ты безопаснее любого телохранителя, — возразила Амайя, открывая калитку. — Спокойной ночи, Лукас.

— Спокойной, Май.

Она прошла несколько шагов по дорожке к крыльцу, потом обернулась. Лукас всё ещё стоял у калитки, руки в карманах, покачиваясь на пятках. Он не уйдёт, пока она не зайдёт в дом. Это было так на него похоже — заботиться даже в мелочах, стесняясь при этом показать, насколько ему важно её благополучие.

Амайя помахала ему рукой. Он улыбнулся, чуть смущённо, и помахал в ответ.

Когда она скрылась за дверью, Лукас ещё минуту постоял в тишине ночной улицы. Вокруг было спокойно. Никаких сирен, никаких криков. Только сверчки стрекочут в траве. Он глубоко вдохнул прохладный воздух, поправил лямку своей куртки и медленно побрёл домой, в свой пустой дом, унося с собой тепло её ладони и обещание завтрашнего дня.

Часть II. «Секреты имеют свойство прожигать карманы.»

Время: 23:00, за 26 часов до пожара...

Я не присутствовал в тот вечер на кухне Оливейров. Но мне и не нужно было там быть. Я легко могу представить эти теплые отношения между мамой и холодные и расчетные между отцом. У Амаи были вполне адекватные отношения между родителями, тут добавить то нечего.

Амайя переступила порог дома, и знакомый запах ванили и свежего белья окутал её, словно мягкое одеяло. В прихожей горел только один светильник. Из кухни доносился тихий звук наливаемой воды.

— Ровно 23:00, не опоздала как обычно, — сказала Амайя, стараясь, чтобы голос звучал бодро. Она скинула кроссовки, поморщившись — лодыжка всё ещё ныла.

Мелинда вышла из кухни, вытирая руки о полотенце. На ней был мягкий кардиган, волосы собраны в небрежный пучок.

— Ой, милая, он бы и не факт, что заметил, — отмахнулась мама, заключая дочь в объятия. — Сидит весь вечер в своем офисе и не выходит. Я ему уже кофе носила, он даже не посмотрел на меня, всё какие-то бумаги ворошит.

Амайя уткнулась носом в мягкую шерсть кардигана.

— Он переживает за город, мам, — тихо сказала она. — Сейчас такое время...

— Я знаю, — Мелинда вздохнула и поправила выбившуюся прядь волос на лице дочери. — Но ты же не город. Ты — наша дочь. Всё в порядке? Ты какая-то... бледная.

— Всё хорошо, мам. Просто устала. Завтраки, школа, потом ещё с друзьями посидели. — Она улыбнулась. — Мы заказывали пиццу.

— Пиццу, значит, — Мелинда прищурилась, но не стала давить. Она хорошо знала, когда Амайя врёт.

Мелинда смотрела на неё в этот момент с той самой материнской, всепрощающей грустью. Она знала. Матери всегда знают, когда их дети пахнут дымом, чужим потом и страхом. Но она выбрала не давить. Потому что думала, что худшее, от чего нужно защищать её дочь — это усталость и подростковые секреты. Бедная Мелинда. Она не знала, что настоящий враг уже ждёт её дочь в её собственной спальне.

— Чай будешь? — спросила Мелинда. — Я заварила ромашку, с мёдом.

— С удовольствием, — честно ответила Амайя.

Они прошли на кухню. Мелинда налила чай в любимую кружку дочери — ту, с отколотым краем. У меня дома в это время либо кричали, либо молчали так, что звенело в ушах. А у Майи — отколота кружка и магниты на холодильнике. Идилия. Которую через несколько часов придёт разрушать этот у блюдок в дорогой рубашке.

— Знаешь, — начала Мелинда, садясь напротив. — Я сегодня говорила с тётей Бри. Она звонила, спрашивала про тебя.

Амайя чуть не выронила кружку.

— Да? И... что она?

— Говорит, что скучает. Спрашивала, не хочешь ли ты приехать на выходные... Если не хочешь, я ей перезвоню.

— Нет, всё нормально, мам. Я... я обязательно к ней заеду.

— Главное, чтобы ты была счастлива, зайка. И осторожна. Сейчас... сейчас вокруг творится что-то странное. Папа не говорит мне деталей, но я вижу, как он нервничает. Обещай мне, что будешь внимательной. Не ходи одна поздно, проверяй замки.

«Проверяй замки, Майя», — хотелось мне крикнуть ей сквозь время. «Проверяй замки, потому что тот, кого ты впустила в свою жизнь, не нуждается в дверях. Ему достаточно открытого окна».

— Обещаю, — прошептала она.

— Ещё бы, — Мелинда улыбнулась. — Ты для меня всегда будешь маленькой девочкой.

Они посидели в тишине. Амайя допила чай.

— Всё, иди спать, — наконец сказала Мелинда. — Я завтра утром сделаю твои любимые панкейки.

— Спасибо, мам, — Амайя встала и ещё раз обняла её. — Спокойной ночи.

Амайя вышла из кухни и медленно поднялась по лестнице. Она прошла мимо закрытой двери кабинета отца — из-за неё не доносилось ни звука, только тусклая полоска света под полом говорила о том, что Тайлер всё ещё работает.

Тайлер Оливейра. Шериф. Человек, который ловил ма-
ньяков, насильников и воров. Человек, который знал город
наизусть, который чувствовал опасность кожей. И этот чело-
век сидел за закрытой дверью, в трёх метрах от своей доче-
ри, даже не подозревая, что самый опасный хищник в этом
городе уже подобрался к спальне его дочери. И этот хищник
носил идеальную улыбку, пах дорогим одеколоном и считал,
что законы, которые Тайлер охранял, к нему не относятся.

Амайя зашла в свою комнату и плотно закрыла дверь на
замок. Щелчок механизма прозвучал слишком громко. Она
подошла к кровати и опустилась на мягкое покрывало. Ком-
ната была погружена в полумрак, освещённая только тёплым
мерцанием гирлянды, развешанной вдоль изголовья. Огонь-
ки создавали приятную и уединенную атмосферу, отгоражи-
вая её от остального мира.

Амайя открыла учебник по истории, решила быстрень-
ко пройти по главам для завтрашнего дня. Буквы плясали
перед глазами, мысли постоянно возвращались к событиям
дня, к странным взглядам, к шепоту в коридорах. И вдруг
её привлек звук, который доносился со стороны открытого
окна. Легкий скрежет, будто кто-то задел раму.

Девушка насторожилась. Сердце пропустило удар. В по-

следнее время любой шорох воспринимался как угроза. Она медленно отложила учебник, мышцы напряглись. Амайя бесшумно встала и сделала шаг к окну, взгляд впился в темноту за стеклом. Ветер качал ветви деревьев, отбрасывая на стекло зловещие тени.

— Кто здесь? — прошептала она, но голос предательски дрогнул.

Она подошла ближе, всматриваясь в ночную мглу. И тут, откуда ни возмись, прямо за стеклом появилось лицо.

Амайя вскрикнула, но тут же узнала эти черты. Узнала эту улыбку, которая даже в темноте казалась ослепительной.

— Блять! Кристиан! Ты совсем рихнулся меня так пугать?! — психанула девушка, но тут же осеклась, поняв, что орать лучше сейчас не стоит, а то еще кто-нибудь зайдет. Она приложила палец к губам, глядя на него сквозь стекло.

Кристиан усмехнулся и тихо открыл створку. Прохладный ночной воздух ворвался в комнату, смешиваясь с запахом её духов. Он ловко перемахнул через подоконник и оказался внутри, бесшумно ступив на ковёр.

Боже, какой же он был позёр. Он реально думал, что живет в фильме? Лезть через окно к дочери шерифа, цитировать Уэса Крэйна... Он не понимал, что это не романтика. Это вторжение.

— Да ладно тебе, что же ты так орешь то? — тихо произнес Кристиан, закрывая за собой окно. Его голос был бархатным, успокаивающим. — Я сегодня смотрел «Крик», и

меня посетила мысль, что я ни разу не залезал к тебе в окно. Решил исправить эту несправедливость.

Амайя выдохнула, чувствуя, как адреналин сменяется теплом. Она скрестила руки на груди, пытаясь сохранить строгий вид, но уголки губ уже предательски дрожали в улыбке.

— А теперь я должна сказать как Сидни Прескотт: «Оу, нет! Не убивай меня, я хочу дожить до развязки!» — пародировала Амайя, смягчая тон.

Кристиан вместо ответа сделал шаг к ней. Он пах ночью, свежестью и чем-то неуловимо родным. Он пролез в спальню полностью и притянул девушку к себе. Его руки обвили её талию, крепко, уверенно, словно боясь, что она исчезнет.

Я сжимаю кулаки так сильно, что ногти впиваются в ладони, даже сейчас, спустя столько времени. Он вторгся в её безопасное место. В её комнату, где пахло ванилью и детством, куда её отец запирали двери, чтобы защитить её от мира. А этот ублюдок просто взял и сломал эту границу. Пролетное пространство ты хоть раз слышал, долбоёб? Ты не рыцарь, ты паразит, который заползает в чужую раковину, потому что ему плевать на чужие правила.

— За такое поведение... возможно, и пощажу, — прошептал он ей в губы и поцеловал.

Это был мягкий, дразнящий поцелуй, от которого у Амайи закружилась голова. Кристиан отстранился на миллиметр, глядя ей в глаза, и улыбнулся той самой харизмой,

которая знакома была только ему.

— И это была Тейтум, — добавил он тихо.

Амайя только вопросительно посмотрела, теряясь в его взгляде.

— Тейтум, подруга Сидни, говорила эту фразу, а не она сама, — пояснил Кристиан, проводя пальцем по её щеке.

Ты серьёзно? Ты лезешь к девушке через окно в два часа ночи, рискуешь быть пойманным её отцом-шерифом, а потом читаешь ей лекцию по киноведению? Он не любил её. Он любил себя в её глазах. Ему нужно было быть умнее, круче, режиссёром этой сцены. Он дрессировал её, заставляя смеяться над его тупыми шутками, чтобы она забыла, что он на самом деле нарушает все её границы.

— Ой, мне плевать, Крис! — ответила Амайя, смеясь, и снова потянулась к нему.

И это было самым страшным. Она смеялась. Она позволила ему стереть свои границы, потому что он был мастером создавать иллюзию, что она сама этого хочет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.